

Министерство культуры и туризма
Азербайджанской Республики

НОВЕЙШАЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 2-х томах

Том II

ПОЭЗИЯ

Баку 2014

Редакторы:
проф. Тельман Велиханлы,
проф. Галина Удалых

Новейшая азербайджанская литература. В 2-х томах: Том II. Поэзия.
– Баку: Мутарджим, 2014. – 204 стр.

В сборник включены стихи таких поэтов, как В.Самедоглу, К.Абдулла, Р.Ровшен, В.Баятлы Одер, Р.Бехрудди, В.Бехменли, А.Ол, Г.Агсес, С.Велиева, С.Бабуллаоглу, Гисмет, Акшин и др., являющихся представителями новейшей азербайджанской поэзии.

ISBN: 978-9952-28-201-6

© Министерство культуры и туризма
Азербайджанской Республики, 2014
© Мутарджим, 2014

Диалог культур: без прикрас и без препятствий

Русско-азербайджанский культурный диалог, культурные и духовные мосты, строящиеся на протяжении столетий... Переключка поколений и переключка литератур, переключка эпох и переключка литературных вкусов. Как отличительны и как схожи были порой черты наших культур и литератур. И как долго мы были в едином круговороте общественно-политических, социально-экономических и культурных событий... Прекрасно знали мы друг друга, переводили стихи и романы, распевали песни и романсы друг друга. Иногда предъявляли претензии друг к другу, что «старший» брат мало переводит нас, мало показывает и пропагандирует нашу культуру и литературу. Он же, т.е., «старший» брат, жаловался на дотации, вложенные им в национальные экономику, культуру и духовность... Прошло около двадцати пяти лет со времени расчленения «общего дома». Каким он был: хорошим или плохим – это вопрос другого плана. Но он был нашим общим большим домом, где наряду с негативными для других наций и национальностей совершались и благие дела. Вот к этим благим делам можно без сомнений и преувеличений отнести культурные связи, перевод и восприятие литератур других народов, будь это чужеродным или родственным...

Примечательно, что по истечении десятилетий мы достойно выдержали проблемы разъединения, благодаря историческим отношениям наших народов, личным и твор-

ческим связям отдельных деятелей сохранили равновесие, дали развернуться культуре и литературе соседа на своих территориях... За последние 5-10 лет в Азербайджане переиздана на латинице почти вся русская классика, осуществлены переводы из новейшей русской литературы. В России изданы антологии азербайджанского фольклора и литературы. Книги русских писателей регулярно выходят в Азербайджане, а произведения азербайджанских авторов постоянно издаются в России.

На наш взгляд, представленные вниманию читателей сборники новейшей азербайджанской прозы и поэзии на русском языке – это очередная заявка на самобытность и плодотворность текущего литературного процесса в Азербайджане. Это еще одно свидетельство сосуществованию литературных поколений, школ, вкусов и всяких «измов». Хотя первоначально и было заявлено о включении в данные сборники только молодых авторов, прозаиков и поэтов, пришедших в литературу в постсоветскую эпоху, редакция постаралась адекватно представить все разнообразие, пестроту и перекличку литературных имен и произведений.

Мы все прекрасно осознаем, что инициатива выпуска антологий и сборников азербайджанской литературы на русском, английском, немецком, французском и других иностранных языках имеет серьезную мотивацию: во-первых, наша классика и современность мало переводится и непоследовательно доводится до мирового читателя, во-вторых, меняются поколения авторов и читателей, даже в техническом плане меняются формы и методы представления и презентации литератур. Меняются критерии подбора литературных имен и произведений для представления в иноязычной аудитории. Конечно, всегда актуальны Низами, Физули,

Насими, Вагиф, Ашуг Алескер, М.Ф.Ахундаде, Г.Джавид, М.А.Сабир и Дж.Мамедкулузаде, С.Вургун и Р.Рза, М.Мушфиг, С.Рустам и Шахрияр, И.Эфендиев, Б.Вагабаде и М.Араз, Анар и Эльчин и другие наши классики, но воспримет ли нас всесторонне и полнокровно современная иноязычная читательская аудитория без В.Самедоглу, Р.Ровшана, К.Абдуллы, Ч.Абдуллаева, Р.Бехрудди, Н.Расулзаде, и даже без молодых Ган Туралы, Акшина, Ханэмира и др. – это вопрос сложный. Конечно, всегда актуальны и Шекспир, и шекспировские восклицания, но как не поддаться каждому новейшему национальному автору силе идей и творческим технологиям Умберто Эко, Луиса Борхеса, Орхана Памука.

Наверняка, этими принципами руководствовались и составители трехтомной «Антологии азербайджанской литературы» (Баку, 2009), воссоздавая в ней всё разнообразие и многоголосие не только нашей классической, но и современной, новейшей литературы.

Слава Богу, что есть аксакалы нашей литературы, вокруг которых сплотились наши молодые творческие силы. Это Анар, Камал Абдулла, Сабир Рустамханлы, Залимхан Ягуб и другие, направляющие нашу новейшую поэзию и прозу. Хочу привести слова многоуважаемого Анар муаллима из предисловия к «Антологии азербайджанской литературы», в которых кроются и перспективы развития, творческий потенциал и промахи молодой и многообещающей литературы: «В последнем десятилетии XX – начале XXI веков в нашу литературу вошел отряд одаренных поэтов, стремящихся сказать свое веское слово на современном уровне. Эти поэты – дети века Интернета и виртуального мира, пристально следят за мировой поэзией наших дней, иногда творчески, иногда не совсем творчески пытаются пе-

ренять ее достижения, и в то же время проявляют большой интерес к прошлому азербайджанского и вообще тюркских народов, к их мифологии, истории, легендам и верованиям... Но непомерные амбиции, желание «быть знаменитым и оказаться на устах у всех», злость и обида, когда это не удастся, мешает им занять собственное место, не вожденное, а реально заслуженное упорным и честным служением литературе».

На наш взгляд, азербайджанская литература постсоветского времени продолжает лучшие традиции предшествующей литературы. Нет такого явного нигилистического и негативного отношения к старому, к творчеству представителей старшего поколения. Наоборот, молодые равняются на тех, кого считают создателями поэзии духа, непримиримости, чувств, высоких дум и ощущений. Поэтому нашу новейшую поэзию невозможно представить без учителей, которые ещё продолжают писать и удивлять. Без таких имён новейшая азербайджанская поэзия показалась бы неполнокровной и непонятой.

У нас много русскоязычных авторов. Большая часть молодых русскоязычных авторов сплотилась вокруг литературных объединений и групп. Для сплочения русскоязычных авторов и представления пишущей на родном языке талантливой молодежи огромное значение имеет регулярно выходящий журнал «Литературный Азербайджан». Творческий коллектив журнала без замедления реагирует на все талантливые произведения, и тут же они появляются на его страницах. На наш взгляд, русскоязычная литература – это серьезное творческое крыло нашей литературы. Определенную лепту вносят наши русскоязычные авторы в дело перевода и презентации азербайджанской литературы за рубежом. И

даже необязательно, чтобы они жили в самой республике. Скажем, московские поэты-азербайджанцы Алла Ахундова, Тофик Меликли, Ильхам Бадалбейли, Насиб Набиев и др. не только блещут собственным творчеством, но и активно переводят нашу поэзию и представляют ее в России. Поэтому литературную панораму Азербайджана последних десятилетий невозможно представить без русскоязычных авторов. Наряду с представителями старшего поколения сегодня активно печатаются Валентина Эфендиева, Александр Хакимов, Алина Талыбова, Елизавета Касумова, Лачин Самедзаде, Ирина Зейналлы, Ниджат, Марина Мурсалова и многие другие. Именно благодаря усилиям русскоязычных авторов-переводчиков и был подготовлен третий том «Антологии азербайджанской поэзии», куда вошла часть представленных в названном литературном сборнике авторов. Примечательно, что многочисленные проекты перевода и издания азербайджанской литературы на ведущих иностранных языках поддерживаются и финансируются Союзом писателей, Министерством культуры и туризма, ведущими вузами республики, Центром перевода при Кабинете министров. И наступит день, когда все эти начинания превратятся в огромный переводческий проект перевода и издания, как это было с проектами издания всей азербайджанской и мировой литературы на латинице, «Библиотеки мировой литературы в 150 томах».

Будем откровенны: в отличие от переводов на азербайджанский язык переводы на иностранные языки пока носят эпизодический, случайный характер. И нет серьезного опыта и конкретных критериев отбора авторов и произведений для перевода на иностранные языки. Даже многие наши авторы сами не готовы к этому. Мы постарались привлечь к проекту

молодых переводчиков. Продолжаем надеяться, что у нас в будущем всё-таки появятся такие мастера перевода, как Владимир Кафаров, Сиявуш Мамедзаде, Владимир Портнов, Игорь Печенев, Азер Мустафазаде. Вот тогда и будут полноценные и высокохудожественные переводы азербайджанской литературы на русский язык. А пока ждем-с.

Министерство культуры и туризма Азербайджанской республики, высоко ценя роль художественного перевода в деле пропаганды и распространения новейшей азербайджанской литературы, поддержало идею издания литературных сборников на русском языке, за что мы выражаем свою благодарность руководству этого ведомства.

Тельман Джафаров (Велиханлы)
доктор филологических наук, профессор

Вагиф Самедоглу

О, Аллах!..
Что ни день – выпадает кирпич
Из моих покосившихся стен.

О, Аллах!..
По кирпичику крошится век
Мой земной...

О, Аллах!..
День за днем – словно камни из стен...

О, Аллах!..
Вот еще один рухнул у ног...

О, Аллах!..
Что ни день – то потеря...

О, Аллах!..
Что ни день...

Боже мой!..

И снова стужей веет от тебя...
И снова твое сердце – словно айсберг.
И снова –
эти мерзлые слова,
заиндевевший вздох
и ледяная улыбка...
Вновь мечусь в горячке я
от вьюг,
что насылаешь на меня.

Вот лунный свет
забросил цепь золотую
в морскую глубь...
Повеситься бы мне
на той цепи,
на этой вот луне,
ногами оттолкнув
уже ненужный
мне шар земной...

Сокол с неба камнем пикирует вниз –
Красота!..

(Но коль рушится мост...)

Алой розы бутон солнцу тянется вслед –
Красота!..

(Ну, а вид алых язв...)

Пью вино, словно воду – каков молодец!..

(Но бываю я пьян и от слез...)

Ты мне вслед посмотри, как лечу я верхом –
Отвернись, коль меня повезут...

...Вот бы дерзкий хазри*
приподнял
хоть на миг
край девичьих одежд –
чтоб хоть мельком взглянуть:
мир все так же хорош?..

Перевела Алина Талыбова

* северный ветер

Рамиз Ровшан

Ещё вчера сей город жил,
Ещё вчера дышал,
Сегодня нет его, пропал.
В дыму пожарищ бродит стон,
Может, пригрезился мне,
Как сон...
Плывут облака
все растерянной, тише
пропавшие ищут крыши.
Беспризорные псы
воют - воют, с укором
ищут исчезнувший город.

Кровь струится из раны.
Не лети ко мне, мотылек.
Алое не всегда цветок,
То не роза, а кровь.

Нежные крылья не промочи,
Спаси, мотылек, спаси!
Весть из крошечной ночи

Верным друзьям донеси,
Чтоб узнали, что ранен,
Пришли, прекратили муки,
Лети, мотылек, лети из огня
Превратив свои крылья в руки,
И руки друзей спасут меня.

И ты, раб божий
И он, человеческий сын,
Как младенец в пелёнках,
Руки, ноги связаны.
Не трожь его!..
Ну и что, что пленник, раб.
Остынь...
Представь: не враг тебе,
А сын...

О чем ты просишь, беженка старушка,
Протягивая руку за подаянием.
Та, в чей дом попал снаряд,
Та, что испила всю чашу страдания?
Прости, что не в силах
Дом твой погребенный возвратить,
Внука погибшего оживить...
Пока нет дороги назад,
В твой плодоносный сад.

Затаив в сердце стыд и муку,
Взор опустив, иду,
В твою протянутую руку
Лишь на хлеб тебе деньги кладу.

Не сейте мины, как семена
Не то древо Смерти возрастает.
И тень его
Бог знает на кого упадет.
Не сейте мины, не надо,
Может, под деревом тем
Пройдет твое же чадо...

Пусть на земле царит тишина,
Не сейте мины, как семена...

Ослепленный кровью солдат
Не все подчиняется мести,
Для сострадания и чести
В сердце место оставь.
Шли свои пули тому,
Кто оружие целит в тебя.
Сохрани самого себя –
Женщин, детей не трожь,
Что глазами цветов глядят.
Знай, что пули твои –

В твое же сердце летят.
Вспомни мать свою и дитя,
Ведь два имени – «Сын» и «Отец» у тебя.
Не шли свои пули в себя.
Если проснется в тебе сострадание,
То, может, приклад ружья
Зазеленеет, как деревце в лесах,
А пуля птицей взмлет в небеса.

Перевела Динара Герекмезли

Камал Абдулла

Мы – это мы

То дождь, то холодно... Другими мы не станем.
Жизнь – радость и печаль, из слез и смеха – смесь.
Мы так живём, мы ленимся, буяним...
Мы – это мы, такие мы, как есть.
Живём, а дождь идёт то тише, то сильнее...
То морем выльется, то капелькой одной...
И капля каждая, что моря тяжелее,
Беззвучно падает на камень мостовой.
Вот и сегодня день дождливый, непогожий...
И вздрагивают камни мостовой
На тихий звук шагов. Идёт, насквозь промокший –
По улице – прохожий пожилой.

Жизнь – ожидание

Мы были так близки с тобой когда-то!
Что до сих пор на глухоту обречены...
И наши голоса, как автоматом
До дыр прошиты, изрешечены.
И что ты мне такое говорила?
И что такого ты сказать могла,

Чтоб я не услышал? А ты б не поняла?..
Жизнь – ожидание?.. Но так всегда и было.
Судьба путей – дорог не размечает.
А Бог – всё слышит, но не говорит.
И если жизнь сейчас нас разлучает,
То, может, смерть потом соединит...

Признание

I

Не верь глазам моим – солгут и не моргнут.
Не верь слезам моим – солгут и не просохнут...
Не верь словам моим – обманут и не охнут.
Я так же сам обманывался... Опыт.
Я так же сам проваливался в омут
Бездонных глаз и фраз... Не верь. Они солгут.
А ты, – как странно, – говоришь, – не всем дано.
Такое, – говоришь, – случается не с каждой,
Такое, – говоришь, – случается однажды,
Всё остальное, — говоришь, – уже не важно.
И в странствие пускаешься отважно...
А жизнь у нас одна... И странствие одно.

II

Я хочу темноты,
Я прошу темноты,
Темноты черноты,
Простоты пустоты.
Вы меня в темноте
Потеряйте, прошу!

Не ищите меня,
Я же вас не ишу!..
В темноту, в никуда,
Провалюсь, пропаду,
Вот где я никогда
Никого не найду.
В ту – хоть выколи глаз –
Тьму последнего дня,
Чтоб не видеть мне вас,
Вам не видеть меня.
В беспросветную тьму
Без имён и примет...
Где когда-то пойму
И приму белый свет.

В это утро была мне забота –
Я достиг своего горизонта.
Убегающий – не убежал от меня.
Кто от всех отдаляется – не отделился,
Мы стояли в лучах нерождённого дня,
Он со мной своим горем делился.
Где лицом встал к лицу, отвернуться нельзя.
Отвернуться нельзя, где глазами в глаза.
И ничтожной моя показалась забота
Пред заботой и горестями горизонта.

Сроки жизни удлиннились,
Люди все омолодились,
Дети в колбе зародились,
Тайна жизни – не секрет!
Кто мычит хвалу признаний,
Кто кричит о силе знаний,
Кто строчит тома сказаний,
Бог простил нас! Снял запрет!
... То есть Божьим наказаньем
Стал не Тот, а Этот свет.

Цветы граната отцвели, увяли

Гранатовое деревце – в печали.
Зеленое, а смотрит виновато.
Цветы граната отцвели, увяли.
Но как же мог увянуть цвет граната?
Цветы засохли? Звездочки погасли?
Наморщились и сразу постарели...
Цветы граната были так прекрасны!
И вот они увяли. Неужели?
Гранатового деревца печали
И мы с тобой когда-то пережили.
И мы своих любимых забывали,
И нас, любивших, тоже позабыли.
Кого под этим деревцем мы ждали?
Кого искали – и не находили?..
А помнишь домики из обувной картонки?
Они тогда дворцами нам казались...

Мы были так наивны и неловки,
Что обижали зря и обижались.
Наступит время, как цветы граната,
Засохнут, запекутся раны сердца...
А может, и откроются когда-то,
И никуда от этого не деться!
Кто поздно в мир придет, кто рановато...
Ослепнет зрячий, а слепой прозреет.
Придет пора – увянет цвет граната.
Придет пора – плоды его созреют.
А красноватый высохший цветок,
Он – не увял, в нем новой жизни завязь.
Он – крепко перевязанный пупок
Плода прекрасного. Он будет – всем на зависть!

Перевела Алла Ахундова

Вагиф Баятлы Одер

Море, поднимающееся к небу

Огромен мир. Немудрено,
что заплутала птица.
Летит над морем. А оно
растет, отталкивая дно,
и к ней само стремится.

Устала птица, вышел срок.
И кто, скажите, ей помог?
Напрасны все усилия.
Упало небо – вот итог.
Вскипело море – вот итог,
и прямо в небе – как ожог! –
поцеловало крылья.

Летать по небу – легкий труд.
Там, в небесах, не устают.
Лишь море, перейдя черту,
ту птицу сбило на лету.

Дитя тысячелетий

Тысячи лет на земле
войны друг друга
чуть ли не слезно
хотят обелить.
Бог сохрани!
Не успеешь оплакать
несчастья минувшей войны,
как война надвигается снова.

Тысячи лет
 между трупов играет малыш,
 ковыряя свою кровотокающую рану.
На лице малыша
 ответ лиц,
 что повзрослеть не успели:
немного света этого мира,
немного света – того.

Тысячи лет мир не может привыкнуть
к малышу, что играет меж трупов.
Начинают – с опаской, страшась –
могилу копать малышу.
Но, как его ни зарой,
он воскреснет, как солнечный свет.

Он – дитя тысячелетий.
В его крови
 кони, всадники,
 танки, пушки.
Эта страна ту повергает страну.

Черную хну посылает танры¹
на руки девушек той страны.
И снова та страна
повергает эту страну.
Гробы несут, механ несут,
деньги несут.
Лучшего сорта сурьму тоже несут –
из той страны
красавицам этой страны.
А малыш сквозь зубы
плюет в лицо войне,
а потом раскрывает объятия
одному тутовому дереву.
Раньше тутового дерева
земля этого дерева
падает к нему в объятия.
С этой земли,
белые,
черные,
раненые,
искромсанные,
падают лошади и всадники.
Из мертвых глаз
падают мертвые слезы.
Тысячелетняя война!
И дым твоих пушек дорого стоит,
и бензин твоих танков дорого стоит,
и плачущим надоело
на сухие руки
повязывать черную ткань.
Надоело!
Что ж, неужели

¹ Танры – мифологическое божество.

именем хлеба, именем воды
собрать всех обездоленных
к одному колесу,
к одному жернову?
Раскрутить и убить?
А тех, кто не придет к колесу,
нехотя сгноить, убить
красивой ложью?
Чтобы мышам осталась,
чтобы совам осталась
тысячелетняя война?
Или...
Малыша, дитя тысячелетий,
возьмите на руки, защитите!
Можете заслужить прощенье.

Жизнь продолжается

Так что же стряслось,
Михаил Юрьевич?
Как ствол пистолета,
могила тесна,
Михаил Юрьевич!
Вы думали,
у каждого есть бог?

Встаньте на колени,
господин Мартынов!
Падите на колени!
Жизнь полна искушений,
бог – милосердья.
Встаньте на колени!

Погиб поэт! –
 угас, как светоч,
как самый горячий огонь в очаге.
Над ним его бог,
над ним его небо.
Встаньте на колени!
Глаза его – в небе!
а смерть – в груди.
Нужна причина,
нужен виновник
тяжелой судьбы
 и черного дня
и астрономических цен
 на базаре.
Стреляйте в поэтов!

Кто-то в печали живет.
Кто-то кричит: беда!
Сколько ни будет на свете
 безрадостных дней, –
нужна причина,
нужен виновник.
Господа Мартыновы!
Стреляйте в поэтов,
а потом
 становитесь
 на колени.

В цепях Кер-оглы, стреножен Гыр ат.
Назвавшись поэтами,
парикмахеры едут в каретах,
талдычат о розах.
Тот, кто горюет сейчас,
 засмеется при виде могилы,
а тот, кто в могиле заплачет,
когда засмеется? И где?

Стреляйте в поэтов!
Стреляйте в их звонкий напев,
непривычный для слуха!
Стреляйте в их свежую кровь!
Стреляйте в Неруду и Лорку!
Могилы тоскуют по мертвым,
лечебницы – по сумасшедшим.
Стреляйте в поэтов!

Поэт погибает
от первого ливня,
от брани жены,
от девичьего взгляда,
мирской суеты.
Виновный поэт погибает безвинным.
Стреляйте в поэтов!

Но в Судный день
пусть побежит Дантес
благоговейно прижаться
к ране Пушкина.
У ворот одинокой церквушки
пусть ревет до утра Дантес.

А затем...
Дайте дорогу!
Дайте дорогу господину Мартынову!
Пусть обнимет
упавшего
Лермонтова.

Перевел И.Тарасевич

Чингиз Алиоглу

Позднее признание

Вот звезда моя, в небе продрогшая,
Среди звёздной высокой семьи,
Вот земля, как уста, пересохшая, –
Это райские кущи мои.

Вот чертоги мои – эти стойбища,
А поющий в ночи козодой –
Это крик мой, зовущий и стонущий,
Это голос забывшийся мой.

Я безбрежную эту распахнутость
Ни на что не хочу променять,
Как здесь травы сухие пахнут!
И пырей – как родня для меня.

Я вспоён твоими звонкими водами,
Запах сена вдыхая, я рос,
Рос твоими молитвами, Родина,
Под заслоном ивовых кос.
Твои тропы торопкие, горные,
Изукрашенные кизяком,
Выводили в дали просторные,
В мир огромный, сойдясь с большаком.
Уставал я в пути, взмыленный,

Упирался – стыдили меня:
От дороги, сынок, не отлынивай
И добейся хорошего дня...

С перевала-финала заглядываю
За земные свои рубежи...
По долам, по горам потопатывая,
В одночасье промчалась жизнь...
Оставайся с миром, Родина!..
Если жизнь – это конь на скаку,
Подытоживая пройденное,
Я сказать только это могу, –
Что начало моё и конец мой,
Что и слава моя, и венец мой
Там, где дремлет простор степной
Под моей одинокой звездой,
Под бугристыми серыми далями
И начало моё, и суть.
И, ступая ногами усталыми,
Устремлюсь я в обратный путь.

Не забывай меня

Обняла снова осень дерева,
И тронула махорочная охра
Кустов папахи. Жёлтая листва
Прощального сдержать не в силах вздоха,
Осиротелой родине звеня:
Не забывай... не забывай меня...

И одинокий лебедь бьёт крылом,
Устало пробивая туч куртину,

В далёкий край, на горькую чужбину,
Надеждою туманною влеком.
Клик упадет, душу леденя:
Не забывай... Не забывай меня...

Зигзаги молний вспыхивают гневно,
Столкнулись тучи, вставшие стеной,
И хлещет ливень с пасмурного неба,
И стонут струи стылые струной,
И слышит стон их влажная стерня:
Не забывай... Не забывай меня...

Вершина хмурится, и по отрогам
Сбегают воды на закате дня.
И гром потока будит зеленыя,
Волна, навек разъятая с потоком,
И капля, разлучённая с волной,
Взывают, разобщение кляня:
Не забывай... Не забывай меня...

Но снова небо прояснилось, снова
Сгорает ночь в пастушеском костре,
И дремлет мирно волкодав суровый,
И лунный луч тоскует о заре,
И молит пламя искорка огня:
Не забывай... Не забывай меня...

На полустанках углых, одиноких
Усталые ночные поезда
Дух переводят, помня о дорогах,
Где ждёт их вновь колёсная страда.
Взревёт гудок, безмолвие гоня:
Не забывай... Не забывай меня...

Душа моя, ладья моя, плыви
К причалу первой истовой любви,
Отбрось сомненья и, пускай непросто,
Плыви туда, где твой далёкий остров
Остался и печала и маня:
Не забывай... Не забывай меня...

Перевел Сиявуш .Мамедзаде

Рустам Бехруди

Никто – ничей... Вопрос закрыт.
И неизменно моё кредо.
О том же Книга говорит
Исы, Мусы и Мухаммеда¹.

Поэт сказал: земля – одна.
Мы одиноки, как она,
Как одиноки имена
Исы, Мусы и Мухаммеда.

Под новых мучеников крик:
- Аллах Велик! Аллах велик!
Опять сочится кровь из книг
Исы, Мусы и Мухаммеда.

Молитва произнесена.
Начертаны все письмена.
Огнём пылают имена
Исы, Мусы и Мухаммеда.

Наш мир – базар, за Бога – торг.
За души – торг, пророков – торг,

¹ Иса – христианский пророк Иисус, Муса – иудейский пророк Моисей, Мухаммед – мусульманский пророк

Но больше всех навар от строк
Исы, Мусы и Мухаммеда.

Мы все, и каждый – одинок.
Ну что? Случилось, что предрёк?
Ты не спасёшь нас вечный Бог
Исы, Мусы и Мухаммеда.

Полынь

Ты запахом своим меня убила...
Но, вдруг, живая хлынула теплынь.
Дышала пустовавшая могила...
И ты опять со мной заговорила,
На кладбищах растущая полынь!

Пришёл со сложенными на груди руками.
Прости, когда рыданий не сдержу...
Позволь, но я на свой надгробный камень
Твоих цветов охапку положу.

Мы сами вырастаем сорняками...
И наших слёз пока никто не стёр...
И камни здесь лежащие, не камни,
А души наших братьев и сестёр.

И этою весной я жив остался...
Не умер! Что ж, считай и этот грех...
Как с гробом с телом собственным таскался,
Не погребённый, был мертвее всех.

Но люди – не моя печаль отныне,
Пока друг друга будут убивать...
И что от них останется в помине,
Травой забвенья будут называть.

Но я вернусь. Исполню обещанье.
Произнесу надгробное «Аминь».
Сольются два дыханья в миг прощанья:
Душа поэта и твоя, полынь!

Ты запахом своим меня убила...
Но, вдруг, живая хлынула теплынь...
Дышала пустовавшая могила,
И ты опять со мной заговорила,
На кладбище растущая полынь.

Нет, солнцем я тебя не назову...
Сквозь землю солнце может провалиться.
Но и звездой тебя не назову,
Днём звёзды спят и не хотят светиться.

И морем я назвать тебя не мог,
Ведь море в берегах, а ты – безбрежна.
Душой хотел назвать, но видит Бог,
Душа покинет тело неизбежно.

Ты для меня – ни светлый день, ни ночь...
У нас надежды нет на них, как видишь...
Ты даже не луна, земли родная дочь,
Одна сестра без братьев, ты – подкидыш.

Сама увековечилась?.. Печально!..
Нет вечности на свете, есть покой..
Но ты была нездешней изначально
И до конца останешься такой.

Со смертью сходство, может быть, найду,
Но не сейчас, сравнения теряя...
Так кто же ты? Глоток воды в Аду?
Иль пламя полыхнувшее из Рая?

Ты – Одинокость. И в одном права,
Что видишь этот мир так однобоко...
Но хорошо, что все мои слова
Читаешь только ты и Божье Око.

Божья воля – это акт.
Судьбы в Суд сданы, подшиты...
Знаю, знаю, двери в Ад
Для меня давно открыты.

В чём я, грешный, виноват?
Боже! Я опять с вопросом:
Почему же двери в Ад
Ты захлопнул перед носом?

Вот возьму, перепишу
Божьей воли документы...
Стараям Божьим покажу,
Каковы Его запреты.

Поглядит Небесный Царь,
Недовольный, исподлобья:
«Неужели, эта тварь,
Человек, моё подобье?»

Весь я ваш! И вам видна,
По каким лекалам создан
Ты, холодная луна!
Вы, растерянные звёзды!

Божья воля – это акт.
Судьбы в Суд сданы, подшиты...
Знаю, знаю, двери в Ад
Для меня давно открыты.

Перевела Алла Ахундова

Вагиф Бехменли

На человеческом языке

Стихи должны быть ясными –
На языке пробудившегося,
На языке уснувшего,
На языке утопающего,
На языке яблока и миндаля,
На языке эпохи и века...
Стихи должны быть ясными –
На языке матери, на языке отца,
На языке человека!..

Тетрадь

Жаль, жаль мои цветы –
Мороз их охватил руками...
Жаль мои чистые тетради –
Все заполнил стихами!..

Кто-то стучится в дверь

Стихи сбивают с пути;
Не хочу их больше писать.
Кто-то стучится в дверь...
Кто же это, кто,
Что он хочет сказать?

Жить

Каждый раз, когда
Заканчиваются чернила
Мне кажется,
Будто я птица;
Счастьем полнится сердце,
Значит, я жил,
Значит, людям распахнул я дверцу!

Назло смерти...

Не вмещаемся в черный ящик,
В ржавую клеть,
Лучшие песни поём
Назло смерти...
Назло смерти любим
Зеленую весну
И осенние тени.
Назло смерти мы пишем
Живое стихотворенье.

Байрон

Поэта изгнали из края родного,
Сердце его плакало и пело.
И вернулось в итоге домой
Не сердце его, а мертвое тело.

Стихи

Что поделать? –
Не могу
Унизиться головой;
О...
Стихотворение века!
Иди... иди...
Я последую за тобой!

Не поднимается рука

Я тоже хочу, как и все,
Себя перестроить,
Забыв грехи.
Но, что поделать,
Не поднимается рука
Порвать
И сжечь
Старые стихи!..

Тебя услышат

Не писать нельзя, нельзя...
Стихи рождаются в тиши!
Пройдут тысячи лет...
Тебя услышат!
Ты мне поверь!
Дыши... Пиши!

Источник вдохновения

- Перестань курить
И бросай пить...
- Лучше б сказал
«Перестань писать и жить»!

Лягушка

В тихий и странный вечерний час
Проходил мимо озера я. Звук
Раздался – квакала лягушка.
От изумленья я выронил перо из рук.

Дополненья

По сути,
Напрасны все споры о слове,
Все эти волненья.

Всё что пишется – пишет жизнь;
Мы вносим лишь дополненья.

Как жаль

Всякий раз, написав стихи,
Ощущаю в глазах, во взоре
Грусть и печаль...
Никогда не могу высказать
То, что хочу – что-то всегда остаётся,
Как жаль, как жаль...

Счастье

Ей-богу, счастливы
Те, кто могут плакать,
И вдобавок поэты,
Ей-богу, слёзы
Делают сердце легким,
Как птица,
Его делают легким также стихи,
Что способны оттуда излиться...

Рубаха из слова

Работа тянет работу, в стране
есть фабрики и во всём мире.
А кто есть поэт? Пошивочный цех –
Рубаху из слова шьет голым и сирым.

Просьба

Посылаю вам новые стихи,
Они – сплошная шутка.
Играйтесь с ним, любите и смейтесь,
Только не сглазьте, обращайтесь чутко.

Сад таланта

За садом надо присматривать...
А я за своим не могу –
Мой сад таланта
Гибнет
От нужды!

Останутся мне

Фразы точно цветы я взрастил,
Подрезал лишние кусты!
Принес к себе
Всё, что было поодаль.

Но останутся мне от меня
Одни лишь мечты.

Золотая клетка

Вот золото, вот позолота –
Никто другой
Не способен
Войти
В золотую клетку казеллы.
Как прекрасно поёт
В той золотой клетке
Золотой соловей...
Физули!

Ночь

Три часа пополуночи...
Спит дом, балкон,
Спят дети,
Счастье во сне храпит,
Лишь совесть не спит.

Философия

Не ищите глубокую философию
В мыслях
Великих философов,
Она здесь,
На кончике носа –
В каждом вопросе.

Рядом с цветами

Спорят двое
Возле букета цветов,
Лицом к лицу стоят,
Рядом с цветами
В бое сошлись
Мёд и яд...

Перевел Ниджат Мамедов

Аждар Ол

Бьется сердце

Сердце свое повел я в атаку,
В сраженье со скорбью, печалью.
Каждый стук сердца моего –
Это новый бросок, новый удар.

Эта битва часа, поры и года
Длиннее всех сражений, длиннее.
С эпохой и веком я веду
Битву сердца, сердца битву.

Сердце бьется в марше сраженья,
Каждый миг я слышу тот марш.
Даже имамы так не сражались,
Когда сердце одно против миллиона.

Удары все принимал на себя,
Не подставлял брата родного.
Знамя мое – знамя сраженья,
Нет у меня белого флага.

Бьется без устали сердце мое,
Где оно сможет обрести отдохновенье?
В клетку грудную не может вместиться,
Будто беженец сердце, из Карабаха.

Сердце свое я знаю прекрасно,
Бьется оно до самого конца.
Люди, о люди, я среди вас,
До самого Судного дня.

Хочется спать

Позовешь – приду бегом,
Ноги мои к прыжку готовы.
Была б жива мать,
Мне б показалось,
Что руки теплые ее в моих волосах.
Хочется спать...

Вот и пришла зима, где ж зимняя спячка,
Что со мною дальше случится?!
Сон мой чуток теперь,
Просыпаюсь от каждого шороха.
Хочется спать...

Снаружи мороз, жуткий мороз,
Я дрожу под одеялом.
Ты, наверное, спишь
В этот поздний час,
Ты привидишься мне в полусне.
Хочется спать...

Погружусь я в глубокий сон,
Кто сердце замедлит мое?
Ну, давай, я поезд в пути,
Отдаю Богу душу иль погружаюсь в сон?
Хочется спать...

Я

Я страдаю так красиво,
Что никто от этого не устает.
Сам себя глажу по голове,
Обо мне не говорят часами.

Скорбь от меня руки убрала,
Вместо скорби я выбираю печаль.
Мучаясь, закуриваю сигарету,
А затем запиваю водой.

Сердце мое не любит муку и боль,
Болит по ночам, когда все уснули.
Знаю лишь сам как сердце мое
Болит в одиночку, страдает.

Выдержку я не растеряю,
Многое способен стерпеть.
Тот, кто бесится с жиру,
Кричит что есть мочи в лишенья.

Не обращаю на беды вниманья,
Каждый ведь славит новое утро.
Я страдаю так красиво,
Что никто за меня не переживает.

Счастливый

У меня были счастливые дни
И минуты,
Были люди, которые
Лицезрели счастье мое.
Счастье приходит внезапно,
Уходит внезапно.
Быстро оно выскользывает из рук.
Не то
Можно было бы сказать:
Вот улажу
Все свои дела
И начну жить счастливой жизнью.
С чего мне начать
В таком случае?
Я счастлив, когда вспоминаю,
Когда мечтаю.
Порою работал счастливо,
Любил счастливо.
Порою от счастья
Ныло сердце.
Порою убегал от него,
Порою к нему полз
На коленях.
Не терял духа ни в тяжелые,
Ни в светлые дни.
Вот потому птица удачи
Всегда сидела на моем плече.
Я могу
Осчастливить на миг
Даже самого печального человека.
В этот час я целиком
Уверен в сердце своём!

Лишь бы не было посягательства!

Если будет посягательство,
Каждый дуб станет плахой.

Каждый поворот,

Закоулок –

Засадой.

Беги,

Молчи,

Таись!

Если будет посягательство,

Вилки, ножи станут оружием,

Стаканы наполнятся ядом.

Если будет посягательство,

В чем разница

Между днем и ночью,

Домом и улицей,

Огнем и водой,

Свадьбой и поминками?

Застрянет в горле

Молитва

И песня.

Лишь бы не было посягательства!

Пусть вилки, ножи,

Кухонная утварь

Не лезут в дела человека.

Пусть будет разница

Между ночью и днем,

Домом и улицей,

Огнем и водой,

Свадьбой и похоронами!

Пусть молитва

Звучит на устах,

Пусть звучит песня!

Левой

Правую руку потерял на карабахской войне,
Отвалилась рука и осталась в краю родном.

Не люблю я судачить, судить,
Научился писать я левой рукой.

Я левша, но быть увечным – другое,
Здороваться правой рукой так здорово.

Леворукость портит все дела,
Порою вспоминаю прошлое правой руки.

Не танцую на свадьбах, не вожу автомобиль,
Когда несут гроб – захожу я слева.

Получаю пенсию, получаю поддержку,
Дали мне и работу, где хватает одной левой.

Гордится нечем, не пропал я без вести,
Не погиб целиком ради Родины.

Одна рука – одно крыло, не хватает для полета,
Но хватает, чтобы обнять сына своего.

Горюю лишь об одном, не о боли, нет:
Ушел наш Карабах и вместе с ним моя рука.

Не заблуждайтесь

Не знаю кто
Назвал поэтов безумцами.
Наверное, просто
Сорвалось с языка.
Память моя в тысячу лет,
Безумных поэтов нет.
Великие поэты
Были великими мужами.
И все занимались настоящим делом.
Как поворачивается язык
Назвать сумасшедшим
Насими?!

Сумасшедшего заключают в стены,
Не пускают к другим.
Его не бичуют, не сдирают кожу.
Как поворачивается язык
Назвать безумцем
Шаха Хатаи?!

Разве ведут войско
На сраженье с безумцем?!

Безумца не будут
Третировать, как Сабира.
Разве Физули безумен?!

Разве безумен Джавид?!

А также Мушвиг...
И Али Керим...

Увидите безумца, читающего стихи, -
Не заблуждайтесь.
Среди безумцев тоже есть
Стихоплеты,
Но с ними не связывайтесь!

Кажется...

Рассыпаются крепостные стены,
Кажется, с ними никто не беседует.
Рядом дерево с пожелтевшей листвой,
Кажется, с ним никто не беседует.
Под деревом сидит старуха,
Кажется, с ней никто не беседует.

Не боюсь

Не боюсь изменников,
Пустомель,
Черствых невежд.
Таких навидался!
Многое выстрадал:
Я не дам им шанса
И буду держаться до конца,
Злость свою
Не прячу в сердце,
Расстилаю ее под солнцем
И высушиваю.
Я не боюсь работы,
Чтобы еще и бояться их!
Следует бояться другого:
Почерневшего Солнца,
Остановки вращения Земли,
Разлуки.
Им,
Поднимающим руку
На мелкие страхи,
Ропщущим на рок,

Следует стыдиться
Гор и полей,
Лесов и лугов,
А также меня!
Поднимите вопрос
Перед ангелом смерти:
Не знающим страха
Следует продлить жизнь!

Перевел Ниджат Мамедов

Гулу Агсес

Знак восклицательный

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

Так жестка его рука –
Знак восклицательный
Смотрит только свысока
Знак восклицательный
Невозможно усмирить
Знак восклицательный
Входит в ушко словно нить
Знак восклицательный
Богом брошен, позабыт:
Знак восклицательный
Как стрела порой разит
Знак восклицательный
Запятая под пятой –
Знак восклицательный
Точку увенчал собой
Знак восклицательный

Впросительный знак

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

Кто это в миноре
Впросительный знак
Носит горы горя
Впросительный знак
Слов не надо лишних
Впросительный знак
Потерявший ближних
Впросительный знак
Раз и закипает –
Впросительный знак
Точка вверх взмывает –
Впросительный знак
Нет, не серп, не остров –
Впросительный знак
Божье имя, просто:
Впросительный знак

Сло-ги

(из цикла «Знаки п/трепинания»)

I

И тихая длится ночь...
Прозвучит к утру азан.
Словно меч мое перо
разрубает на куски
и спускает эту ночь
в силлабический казан...

II

Чудным было утро то...
(Но я время позабыл)
Я обрадовался, что
с соком сердца своего
приготовленную ночь
перед солнцем разложил...

Мои пальцы не тихони,
Тянутся туда, сюда.
Яблоко им дай глазное –
Доведут так до суда.

Указательный на спуске
И мишенью выбран я.
Пальцев этих шаловливость
Я терплю, себя кляня.

А на них я выбил цифры
От нуля до девяти.
Руку нежную отпустят
У калитки лишь: «Лети».

От «дай пять» их в дрожь бросает
И пугают их ветра.
Перепрыгнут пару строчек –
И одышка до утра.

Обручального колечка
Не видали на себе.
Только ногти согревали,
Нет перчаток в их судьбе.

Мои руки под плитую,
Пальцы мои там – в гробу.
Пусть твой дух, отец, поможет:
Пальцем шевельнуть хочу.

...На коне гарцует горе,
Разрывая душу, плоть.
Чтобы пальцы не дрожали,
Жаркой смерти б мне, Господь...

Без остатка себя тратил,
Разграбляя свои дни.
Но не умер, но не спасся
Я от смертной западни...

Скорбь, любовь, судьба и небыль,
Быль покрыла душу мне.
Я хотел расправить крылья –
Пыль покрыла душу мне...

Я взглянул и как увидел,
Миром стал по горло сыт.
Нет мне от него спасенья:
Я бегу... за мной бежит...

Так в мечты ушел мой голос
И звучит он без прикрас.
Падший ангел искупался
В том дожде, что лью из глаз...

Боже, Боже, кто ты, что ты –
Вопрошать так – наш удел.
В мире, созданном тобою,
Ты остался не у дел...

Дни свои ты как проводишь,
Мил бываешь и жесток?..
Как тебя нам обездвижить,
На какой поймать крючок?!

Не обидим, коль увидим,
Покажи-ка нам свой лик!
Если мы живем счастливо,
Дай исторгнуть страшный крик!..

...Ты любим, что б ты ни делал,
Сядь на шею, я твой раб!..
Хоть сложил ты эти строфы –
Грех на душу взять я рад...

Время попусту не трачу,
Продаю из первых рук.
Обласкай меня как кошку –
Загоню тебя на сук...

Вдруг заденут за живое
Мертвые слова мои.

Знай, я стоя умер, чтобы
Быть подальше от земли.

Бог ушел, он мир оставил –
Торг. Оставил здесь внизу
Воздуха глоток в витрине
Да горячую слезу...

Я принес живую воду,
Не пролив ничуть.
Сделал шаг от слова к слову –
И потерял путь.

Слава! даже после смерти
Вложена (в земной ты тверди)
В твердь небесную из ситца.

У него есть люлька, детки,
Хоть порою тесно в клетке,
Сердце что гнездо, не птица...

Без тебя я будто таю,
Без тебя мне жизнь пустая,
Но нельзя мне с ней проститься...

Предначертано – вот, дожил,
Взгляд мой на престоле Божьем,
Вечно будет он светиться...

И застывший в изумленье
Между адом я и раем.
Все мечты мечом отметив,
Свадьбу горести играют.

Знаю, почему старею:
Те, кого люблю как прежде,
Бросили меня, быть может? –
Вера и Любовь, Надежда...

Предначертано мне Богом
(Все) войти в чертоги смерти.
Я же здравствовать желаю
От души ему, поверьте.

В песчинке каждой...

Сколько мне осталось жить
дней, часов, скажи, о Боже?
От тебя уже давно
нет вестей, посылок тоже!
Кто отрезал путь к тебе –
путь, что тонок словно волос, –
Мне к каким чертям пойти,
раздается где твой голос?..
И когда ж пушусь я вскачь,
оседлав гнедого смерти? –
Лечит он, но я взлечу,
не достав небесной тверди.
Полечу, мои грехи
полетят в меня, как камни,
Может, все же рассказать
об ошибках, что я помню? –
Помнишь? – Полюбил одну,
да, она тебе знакома –
Я не взял ее себе,
но и не отдал другому.
Всё смотрела вдаль она,
как за журавлем синица;
Выжги мне глаза, потом
вознеси своей десницей.
Столько раз ты посылал
слово – пребывал я в лени,
Сердце светом озарил,
но глупец держался тени.
Пил вино – не без вины –
не тебя ведь звал, а музу,

Созданный тобою мир
 приходился не по вкусу.
Нет, не тронули меня
 все твои богатства, слышишь?
Проклинал свою судьбу,
 мне дарованную свыше...
...Твоя милость все мои
 прегрешенья покрывает,
Грудь мою уже давно
 от мольбы так распирает:
Место для раскаянья
 дай мне, Господи, ведь стражду,
Чтобы там я лишь тебя
 лицезрел в песчинке каждой!..
Чем прикажешь, все грехи
 начисто свои там смою,
Если хватит сил, меня
 там насыть сполна собою...

перевел Ниджат Мамедов

Салам Сарван

Линии

Ладони стариковских рук,
раскрытых перед гадалкой,
показывали всё то же самое:
«В семнадцать лет
найдешь свою любовь...»

Канатоходец

Этот старик, чья молодость прошла на канате,
теперь утешает себя
на мосту.

Любовь

Бомж, каждый день собирающий
хлебные корки из мусорных ящиков...
на сей раз собирал
выброшенные увядшие цветы
своей подруге в подарок.

Мост

Сегодня я узнал, что
поверхность воды
и есть самый надежный мост –
никогда не обрушится, не упадет.

Отличие

Я поездов почти неотличим.
Для них есть лишь один путь
выхода на свободу
с рельсов-оков – КАТАСТРОФА!!!

Тяжесть

Надгробие умершего силача –
последний камень,
поднятый над головой.

Житье

В грозу забегаю домой,
в землетрясение выбегаю наружу.
Для перемещения
нет иных каких-то причин

Мужчина

Хлеб, добытый тысячью мук,
делит дома каждый вечер –
каждому кусок:
детям, жене и себе,
и в мышеловку чуток...

Перевел Ниджат Мамедов

Салим Бабуллаоглу

Посвящение архитектуре и одежде

Ты объявлен в розыск. Преследуют. Бежишь.
Музей встает на твоём пути,
стацив там со старика чуху, надеваешь ее.
Когда идешь, к крепостным стенам прижавшись воров,
некий папарацци наводит объектив и щелкает
затвором:
крупным планом и средним – две работы для выставки
«ЛЮДИ СТОЛЕТНЕЙ ВЫДЕРЖКИ»;
и всё же нет, у безысходности длинные руки,
настигнут тебя вместе с прошлым твоим.

Посвящение сердцебиению

(без знаков препинания)

Ну конечно конечно конечно тот день
да прекрасный тот день самый лучший тот день
впереди впереди впереди впереди
он придет он придет он наверно придет
и тогда и тогда будет бедам конец
улыбнется тогда твои может уста
ничего необычного если конец
есть у всех этих дней долгой жизни одной
то один то один был прекраснее всех...

Происшествие

Это солнце, стекло, полотенце, и пень и
табуретка и след, и песок, эта пена,
этот берег, волна, эти травы и море,
эта синь, это солнце, и синь, это солнце,
эта синь, эта синь, этот холод и синь,
эта синь, это море, волна, этот берег,
эта пена, песок, табуретка и травы,
этот пень, полотенце, стекло, это солнце...

Ветер

Покачивается половик на проволоке;
лист виноградный поклоняется розе;
ива ворошит волосы;
алмагюлю прощается с муравьем;
крохотный луг на песчанике отказывает бабочкам;
блохи скорбят на пепелище;
ромашка посылает гонцов во все стороны;
по пню катится соломинка;
грохот колес доносится до станции раньше, чем поезд;
любовное письмо в судорогах бьется между рельсами –
дует ветер,
и ты умолкаешь, не желая больше врать...

Посещение

Дед мой умер в семьдесят седьмом:
мне было чуть меньше, чем дочке сейчас...
Теперь мы на кладбище с Гамидой и детьми.
Двадцать девять лет минуло с тех пор, сельское
кладбище раздалось вширь:
бабушка два года как покоится здесь, рядом с дедом...
Здесь? То есть где?

Поздно плакать по деду; как говорят друзья, я уже стар;
вспоминаю кудрявого мальчика на похоронах;
ему было приятно видеть всех вместе,
с изумлением смотрел он на надгробные портреты;
он не считался со смертью, ибо не понимал ее суть,
и теперь точно так же, хотя каждый день считается с
ней...
Слезы в глазах...

Стоит теплынь, что зиме не к лицу.
«Вернемся, дети простынут», – говорит Гамида.

Разносится радостный голос
дочки, зовущей старшего брата на помощь:
на могилу севшую бабочку хочет поймать,
в то время как мы в окружении надгробий и смерти...

Комментарий к снегу

Выпал снег. Побелел города лик: облик, внешность, лицо.

Выпал снег. Лик побелел города: поверхности, асфальта, земли.

Выпал снег. Города лик побелел: покрыта земля, тротуары и крыши.

Вдобавок холодно, люди попрятались по домам, словно мыши.

Пространство теперь не изменяет себе. Поверхность теперь безгрешна, чиста.

По сути, ее мечта – прямизна, одиночество – предельная близость к отсутствию, родство – с пустотой. Для нее пустота приращение себя к отсутствию, если сможет, конечно.

Снег выпал: как мука сквозь сито небес.

Нагие деревья ветвями повторно воздели наверх белизну.

Наверх – указуя на белизну, покоряясь. То есть воду подавно

не унести в решете. Мир, некогда покрытый водою, теперь покрывает снег.

Выпал снег: вода изменила имя и облик, очищаясь в пути.

Но память ее неизменна. Всё снегом покрыто, и памятник тоже – пристанище птиц.

Кто знает, может, горы и доли, идола под водою сейчас. Доказательства не знают старения.

Выпал снег. Очень жаль. Он тает теперь.

Отцу

Ты чуть красивее меня,
я чуть раздражительней...
Ты чуткий, я немного кутила,
немного транжира, бахвал...

Немного несчастлив – и ты недоволен.
Часто твержу себе: «От жизни устал»...
Вдали от тебя, в большом бессмысленном городе
влачу свои дни, грешу, тоскую, болею...
Смотрю по утрам на твое фото, по вечерам в зеркало,
вот так и старею, седею...

Многое ты приобрел – всё, что мог потерять.
А я ничего не обрел – лишь себя растерял,
но сберег твое доброе имя,
квартиру и книги...
Я плохой сын, ты очень хороший отец,
ей-богу, так и бывает...
Придется сказать, наконец,
что ты станешь очень хорошим дедом,
да и я тоже...

Здание посольства...

Здание посольства. С фасадом на юг. Длинное крыльцо
на втором этаже.
Напряженные как вена колонны держат осевшее
черепичное покрытие.

Пара пролетариев – каменных атлетов – стоит возле
двух крайних колонн:
один дюймовой трубой вместо меча будто бы оберегает
строение.
И еще двое на фронтоне. Сбоку видны – обнажены, без
брони.
Полустертая надпись о рождении: здания, архитектора,
владельца и др. ;
аттик, белястр, карниз, узоры – морщины лица,
познавшего мир.
Шесть аркад. Темно в четырех. В двух светло – как в
глазах, устремленных вдаль.
Внизу последний штрих фасада – входная дверь на
первом этаже.

Половина девятого. Бриз дует с моря. Запись в очередь
за визами.
Немного спустя каждый пройдет через дверь, но пока
друг за другом стоят.
Еще не пора... И жизнь такова: она – ожидания место
плюс отмеренный срок;
для прохода надобно оглашение имени, что в тетради
записано.
«Пожалуйста». «Я? Да-да, благодарю». Первой моряна
проходит сквозь дверь.
Разве ее кто-нибудь звал? Коснувшись всего как
малыш-непоседа,
приносит прохладу и ускользает беззвучно. Шевелит
материю красную
на металлическом стержне, воткнутом в крыльцо, и
уходит: на ней полумесяц, звезда...
То есть небо сменило свой цвет; то есть небу лучше
известно

о пошлинах, о пролитой крови. То есть небо на землю
смотрит в упор.

Гамиде ханум

Если деревом стану на твоём пути,
отдохнешь ли в моей тени?
Или пообломав мне ветки, согреешься в тепле очага?

Если стану дождем и прольюсь в летний зной
на улице шумного, пыльного города –
тогда запах земли раздастся вокруг, –
вдохнешь ли изумленно мой запах?

Или если дождь внезапно застанет тебя по дороге,
то вся промокнув, расстроившись,
станешь проклинать небеса?

Снег редкость на юге...
Если вечером зимним снегом я стану,
сыграешь ли в снежки вместе с детьми?
Если вдруг один упадет
или замерзнут пухлые пальцы,
скажи-ка, милая, разозлишься ли ты?

Если однажды вечером захочу деревом, дождем или
снегом я стать,
схватишь ли смерть за грудки?
Или уйти пожелаю –
станешь ли подругой мне в долгом пути?

И если ночью одной написав стихи,
разбужу тебя, прервав сладкий сон, и прочту,
скажи мне честно, родная, примешь ли их?

Когда я имел желание писать большие произведения,
не растрачиваясь на короткие стихи...
На окно мое птичка села,
не вместились ни в стихи, ни в роман —
улетела...

Героем джунглей был я в детстве,
с тиграми играл,
о том, что люди пострашнее,
я много позже узнал.

Остановившись посреди главной улицы,
лицом к лицу с манекенами витрин,
мог бы спросить, а почему так похожи
вы на продавщиц позади, или на прохожих?
а может, оттого, что бесплатны одежды,
а может, все это из-под прилавка?
«а может, продается не одежда, а улыбка?» -
мог бы спросить я у отраженья в витрине,

которому, подмигнув, пригладив волосы,
влево указываю, в людскую полосу.

Моряна.
Медаин.
Центр города.
Улица Хагани.
Машины.
На полную и дряблую голень устремленный взгляд
самца
и вонь кизяка.

Ребенок бросает камень, как его отец,
А камень, как камень, попадает в цель.
Ребенок льет слезы, как ребенок.
Камнем падает вниз раненый воробей.

Жизнь должна была уподобиться судьбе,
на дом стала похожа судьба,
люди, живя в доме,
стали прятаться в подвале
рядом с мешками
и испачкались мукой...

Жизнь должна была уподобиться судьбе,
а слово деянию,
а люди, смеясь, должны были построить дом,
с насмешкой они бросили камень...

перевел Ниджат Мамедов

Сона Велиева

Караван свершает путь

*(слушая симфоническую картину «Караван»
Джейхуна Гаджибекова)*

У ветки в тени нужда,
Облако жаждет дождя –
Стадо ищет вождя?
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Зовет к себе, зовет дорога,
Не докричусь я от порога,
Впереди ловушек много.
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Этот мир сплошной обман,
Не залечишь ты всех ран,
Мир нам в испытанье дан.
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Что за мудрость, что за рок,
Поспевает всё в свой срок,

Видно, так задумал Бог.
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

На верблюде белом дева,
Слезы – будто листья с древа,
Справа жизнь, а смерть-то – слева.
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Здесь пустыня, дождь и ветер,
Мы одни на белом свете,
Рок раскинул свои сети.
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Гимн пути, вы мне поверьте,
На устах до самой смерти,
Песнь земли, песнь этой тверди...
Потихоньку, по чуть-чуть
Караван свершает путь.

Родины мы не покинем,
Мы взойдем наверх, не сгинем,
Мы взойдем к небесной сини.
Мы избавимся от пут,
Караван свершает путь.

Я – истины свет, с неба сошла,
К Богу своему взошла.
Глупцу указала путь,
Он не понял ничуть.

Где же, где же наш свет?
Под небом нам равных нет.
На пашни судьбы этого народа
Небо не пролило воду.

Это горе словно горы,
И бездонно словно море.
Выпало народу моему
Пережить войну.

Этот мир обман и тина,
Сердце обратил в руины.
На пути мои, дороги
Выпал дождь, промокли ноги.

Но о брате я мечтаю,
Он появится, я знаю,
Флаг повесит он в Шуше,
Воцарится мир в душе.

«Аразбары»

Вдоль Араза что за табор?
Рытвины здесь и здесь ухабы,
Плакать мне...да не смогла бы.
Полуптица и цветок –
«Аразбары» завиток.

Глас истории, народа –
Терпят воды несвободу,
Пусть сам Бог возьмет заботу
На себя о нас –
«Аразбары» слышен глас.

Все пути туман покрыл,
Будто я лишилась крыл,
Дерево в расцвете сил:
Горек, горек его плод –
«Аразбары» нас зовет.

Я зима твоя и лето,
Есть сегодня, завтра нету,
Книга ночи, книга света,
Разлетелись все страницы –
«Аразбары» как граница.

Где Гёйча, Тебриз, Шуша?
В горестях горит душа,
Не отступим ни на шаг,
Пламя, поглоти врага! –
«Аразбары» как река.

Вот беда, а вот и горе,
Путь ведет сквозь море, горы?

Одолеем рок мы в споре?
Где мои плоды, дары? –
Льется «Аразбары».

За строкой строка – есть я.
Небо Богу, а земля?
Гибнут без реки поля.
Буду жертвой я реке –
«Аразбары» вдалеке.

Звуков семь и семь цветов –
Плачу, потеряла кров.
Сердце мое, моя кровь,
Стены мои и ограды –
«Аразбары» как награда.

«Шейх Сафи» укажет путь,
Обретем в конце мы суть.
Как стрела вонзилась в грудь,
В сердце ранило меня –
«Аразбары», пленя.

Стон мой – камень обратится в прах,
Не смущает пусть нас страх,
Рок с проклятьем на устах.
Земли захватил наш враг –
«Аразбары» рассеет мрак.

Я войти хочу в Тебриз, его врата,
«Дом родной», я рвусь туда,
«Гарагиля» сирота.
Я помочь хочу родному краю –
«Аразбары» врага покарает.

Град посыплется с высот,
Небо землю позовёт.
У Араза слезы льёт
Полупери-получеловек –
«Аразбары» навек.

Камни есть. Но где же руки?
Задыхаюсь в сердца стуке,
До костей пробралась мука.
У тебя от тайны ключ –
«Аразбары», света луч.

Слава богу, что смерти нет

(Посмотрела фильм «Привидение», меня пронзило странное чувство. Человек умирает, когда его забывают...)

Если однажды покину сей мир,
не думайте, что я умерла.
Считайте, я просто на что-то или кого-то
обиделась.
Жду не дождусь ласкового взгляда, доброго слова,
чтобы постараться вернуться снова.
О, пусть грезы станут явью... вернуться бы мне...
Обратиться бы в лунный луч,
выглянуть из-за туч,
посмотреть каков мир, где меня нет,
каков без меня белый свет.
Оглянуться бы на веранду и сад,
что видеть меня был бы рад.
Мой дом, мои дети, любовь –

увидеть их вновь.
Превратиться бы в яркую бабочку
или белую голубку.
Сесть на окно и увидеть
сына улыбку.
Пусть мне улыбнется удача,
увидеть хочу как заходится в плаче
тот, о ком я думала иначе.
Пусть расцветет в этот день
всей моей жизни тоска.
Стать бы счастливой красавицей,
благодарной за всё,
за то, что всем нравится.
К Богу крылья раскрыть вместо рук.
Славься, о Боже, нет смертных мук,
я совершаю круг.
Родные, не плачьте по мне.
Я – странник, я – путник
в мире невидимом,
в мире неведомом,
однажды вернусь.
Тот мир не вместит мою боль,
мою грусть.
Вернусь ради бесприютной любви.
Вернусь улыбкой на уста детей,
светом очей.
Славься, Всевышний, смерти нет!
Я жива, покинув этот свет.

Я полюбила тебя, о Творец

Наш мир от начала и до самого конца
наполнен красою Творца.

А мы – рабы красоты.

Одни любят природу и горы,
раскидистость сосен,

другие – печальную осень,
а третьи лишаются сна
когда наступает весна.

Одни любят деревья в цвету,
другие находят в словах красоту,
находят в тех звуках чудо,
что льются *оттуда*.

Но моя любовь

гораздо выше,
гораздо краше.

Я полюбила того,

кто является властелином сердец,
я полюбила тебя, о Творец.

Плывет кораблик

Плывет кораблик по воде,

Плывет он словно грёзы.

А вслед за ним красавица плачет,

Никто не утрет ей слёзы.

Душа ее охвачена горем,

Небо стенаньям не вторит.

Только и смотрит, что в море,
Смотрит, не меняя позы.

Плывет кораблик далеко,
Остаться просто, уйти нелегко,
Я не ведаю без дома покой,
Терзают душу вопросы.

Водный дастан – морская любовь,
И снова волнуется кровь,
Я путник, покинувший кров,
Мой путь – колючки да розы.

Лист за листом

Небо внутри меня смерклось,
Задыхаюсь лист за листом.
Я – дерево до самых небес,
Я рождаюсь лист за листом.

Горе мое по родному краю,
Живем в тоске мы по раю.
За чьи грехи страдаем?
Я сжимаюсь лист за листом.

Бог даровал эту любовь,
Земли наши потопила кровь,
Всё повторяется вновь,
Распыляюсь лист за листом.

Сплошной ожог – моя душа,
Ушли наши земли, ушла Шуша,
Я живу в ярости еле дыша,
Рассыпаюсь лист за листом.

Это – рай, а это – ад,
Это – смерть, а это – сад,
Наши земли точно клад,
Обжигаюсь лист за листом.

Где же выход, где же путь?
Чтобы смерть нам обогнуть...
Возгорюсь, узрею суть,
Закрываюсь лист за листом.

Не охватит душу страх,
Ждут ведь душу в небесах,
«Смерть – есть сон» звучит в устах,
Просыпаюсь лист за листом.

Я у врат твоих, Всевышний!

Да, с грехами и виной,
С долгом жизни, добротой,
Сердцем, духом и судьбой,
Я у врат твоих, Всевышний!

Я всю жизнь цветы сажала,
Горевала и страдала,
Ангелом была, узнала,
Я у врат твоих, Всевышний!

Резала жизнь точно бритва,
Помогала мне молитва,
Я с собой вела ту битву,
Я у врат твоих, Всевышний!

Есть начало, есть конец,
Есть глупец и есть мудрец,
Славься Боже, наш Творец,
Я у врат твоих, Всевышний!

В чьих руках наш край родной?
Выпало мне быть одной,
Я вдали, хочу домой,
Я у врат твоих, Всевышний!

Оказался путь тернистым,
Да, нелегким и петлистым,
Горестным, суровым, мглистым,
Я у врат твоих, Всевышний!

Всё, что есть, тебе известно,
Жить всегда старалась честно,
Ты повсюду, в каждом месте,
Я у врат твоих, Всевышний!

Шествую к тебе, мой Бог,
Шествую в пыли дорог,
Шествую, чтоб Ты помог,
Я у врат твоих, Всевышний!

Настроение

Небо высоко, земля глубока,
Не достанет до выси рука,
Ноша моя нелегка, нелегка,
Кто сможет понять?

Вот зима, а вот и осень,
Во плоти могилу носим,
Мы Творца о землях просим,
Как мне боль унять?

Сглазили мои слова,
Страх разросся, как трава,
И восстали зеркала,
Как себя в них узнать?

Тропы есть прежде дорог,
Путник там в ночи продрог,
В каждом слове молвит Бог,
Сможешь услышать?

Каждый день, что без тебя

Мир, как прах, в моих глазах,
Нет просвета в небесах,
В сердце оживает страх
Каждый день, что без тебя.

Лопнет вдруг терпенья чаша,
Выпала мне эта ноша,
Слезы, как река, о Боже,
Каждый день, что без тебя.

Облако вдали от неба,
Я огонь, что нужен хлебу,
Затеряться в мире мне бы
Каждый день, что без тебя.

Не смеюсь, царит тоска,
Пересохла жизнь-река,
Мне нужна твоя рука
Каждый день, что без тебя.

И покинем этот город

Вот все листья пожелтели,
Опадают, скоро холод.
Соберем воспоминанья
И покинем этот город.

Всё поникнет и погаснет
Вместе с этою листвою.
И хазри суровый сердце
Всё заполнит лишь собой.

Даже дух мой пожелтел
От разлуки, дух мой вспорот.
Эта осень не по мне,
Ох, покинем этот город.

Горе и печаль земли,
Как туман нас обнимает.
Осень словно женщина
Всё рыдает и рыдает.

Осень переждать не просто,
Зимы легче – есть весна.
Солнце победит те ночи,
Что проводим мы без сна.

Ох, покинем этот город,
Осень здесь – сплошная мука.
Дух мой пожелтевший лист,
Машет вслед рукой разлука.

Засохший абрикос

Тяжко, тяжело твое горе.
Проиграл судьбе ты в споре?
Листья твои смерти вторят,
О засохший абрикос.

Жизнь твоя как баяты,
Обручился с горем ты,
Не приносишь здесь плоды,
Не скорби, мой абрикос.

Выпало вот наказание,
Терпишь боль ты и страданье,
Это божье испытанье,
Потерпи, мой абрикос.

Обращаешься ты в прах,
В чьих упал ты вмиг глазах?
Но воскреснешь, знай, в мечтах,
Поднимись, мой абрикос.

Наступила осень скоро,
Охватила тебя хвора.
Ты с судьбой своею в ссоре,
Так нельзя, мой абрикос.

Поборись и не сдавайся,
Выше, выше, раскрывайся.
Одолей смерть и не кайся,
Одолей, мой абрикос.

Одинокое дерево

Здравствуй, одинокое дерево, как
Ты здесь выросло, места тебе, что ли, мало?
От какой ты судьбы сбежало сюда,
Почему от друзей и родных ты сбежало?

Когда солнцем палима кора твоя – грудь,
Кто поит тебя, увидев обилие ран?
Холод, жара тебя пошатнули,
Вот ты и обернулось в мглу да туман.

Пришла я к тебе поделиться печалью,
Скрывают ли листья смущенье лица?
Почему твои корни к тебе охладели?
Рубят тебя на дрова – жестоки, холодны сердца.

Мы похожи с тобой в печали и скорби,
Одиноки с тобой – друг другу мы вторим.
Пусть братья и сестры забудут обиду,
К тебе я пришла поделиться всем горем.

Есть ли друг у тебя, защитник, помощник,
Есть ли хоть кто или что на всём белом свете?
Никому не открою твой я секрет,
Плачут листья твои – колышет их ветер.

Пришла я к тебе стать другом, подмогой,
Держаться за ветви и ствол, рядом стоять.
Горе, что я испытала, всю душу сожгло,
Пришла я к тебе тоже деревом стать.

перевел Ниджат Мамедов

Этимад Башкечид

Как...

Как питаются надежды
человечиной
невидимым огнем в души глубине,
Как покинули тебя однажды
в доме безымянном,
кабака на дне,

Как в изнанке коня на привязи,
Скачет некто другой,
Как жизнь, что адово поле,
Засеешь – взойдет бедой,

Так и все, созданное и не созданное,
То надеждой,
То другом,
То братом,
Так и ты внутренний – адово поле,
Так и все, созданное и не созданное.

Как распяли Христа
На своем же кресте,
За все и со всех спросится.
За все, созданное и не созданное,

Как надежды питаются
человечиной
невидимым огнем в души глубине,
Как покинули тебя однажды
в доме безымянном,
кабака на дне.

Тропы

Друзья ли, враги ли?
Куда ни помотришь –
Бесконечность, по солончакам рассыпанная,
Подобно малышу, бессмертная,
малышу, подобному слову на кончике языка.
Друзья ли, враги ли?

Слово, словно пчела, в просторах жужжащая,
Жизни один укус предпочитающая,
Мало ли слышали подобное жужжание,
подобно улью, книгу раскрывая.

А книга?
Да что тут поделаешь?
Сколькими названиями обозначенное
Нечто –
Легкого поведения женщина, которую,
Спрятавшись от глаз,
При приступе неодолимой страсти переписывал ни раз.

Друзья ли, враги ли?
Куда ни посмотришь –
Бесконечность, по солончакам рассыпанная,
Подобно малышу, бессмертная,
малышу, подобному слову на кончике языка.
Друзья ли, враги ли?..

Сон

Опять ничего не можешь читать
Из-за монотонности, бессмысленности вечера
И тихонько ложишься (я бы сказал, даже покорно),
Укладываешь тело в постель
(жизнь всю прожить все равно невозможно -
так обманываешь себя - приторно).

Думаешь: - ничего, ведь это же не смерть,
Никто тебя не одолел ведь,
просто устал ты,
Ложишься,
надгробьем
изголовье кровати возвышается над тобой
И образуются новые координаты.

Смыкаются веки, чуть погода,
Перестают слышать уши,
Отнимаются все признаки живой души,
И тотчас покидаешь этот мир,
Промежуточным конем между Есть и Нет
(от тебя) остается дыханье лишь.

Рано утром размыкают очи твои
ангелы -
отсрочена смерть твоя -
сам не свой...
Там,
где вчера исчез ты,
Поднимается некто другой.

Перевел Гейдар Оруджев

Азад Яшар

Эдипов комплекс с вероятностью инцеста

Может ли считаться
Фактом инцеста то,
Что молодой актер
В реальной жизни
Занимается любовью с актрисой,
Которая играет в фильме или спектакле
Роль его матери?!

Машинист-диджей

Этим утром машинист метро
Устал от однообразия
Своей работы,
Взялся за диджейство и
Сделал вот что:
Незримая женщина, чей голос звучал из динамиков,
Произнесла название станции, где мы остановились,
Сообщила о том, что двери закрываются,
Посоветовала быть внимательным друг с другом,
Уступать место старикам, инвалидам и женщинам с
детьми.

Как только она произнесла «Следующая станция...»,
Машинист
Точно опытный диджей убавил звучание женского
голоса
И добавил к объявлению
Слово «Gənclik»¹.

Черный юмор

Мужчина, одетый в синий халат,
Крутится-вертится вокруг женщины, которую сочли
мертвой,
И снимает мерку.

Внезапно «оживший» труп спрашивает:
«Доктор, почему вместо того, чтобы меня лечить
Вы меряете меня вдоль и вширь?»

Она получает неожиданный ответ:
«Я не врач, милая дама, я гробовщик».
«Что в таком случае я здесь делаю?»
«Так! Протяни руки-ноги
И срочно умирай подобру-поздорову,
А не то...
Мне придется похоронить тебя заживо».

¹ Станция «Юность»

Возможность выбрать себе наказание

Если тебе мало
Заключить птичку в клетку,
Если захочется
Наказать ее бедную,
То единственный путь –
Открыть дверцу клетки,
Отпустить ее на волю.

Если она поймет, что сама
Неспособна найти
Корм и воду
И добровольно вернется в клетку,
То это станет
Самым тяжким наказанием,
Которым она себя осудит.

Дождь из автомобилей

Каждое утро
В нашем дворе
Становится на пару машин больше,
Будто
По ночам
С неба беззвучно
Льются
Автомобили всевозможных марок.

Потери – находки

Ищущий человек зачастую
Находит не то, что потерял сам,
А то, что посеяли другие
И потому
Не ощущает потребности
Вернуть их владельцам.

Поэтому в мире
Больше потерявших,
Чем нашедших.
Ибо некоторые вещи
Теряются для того,
Чтобы никогда и ни за что не нашлись.

Если придется...

Если придется,
Я объединюсь с ним и всем отомщу.

Но, вдруг, если не придется,
Тогда делать мне нечего.
Пусть каждый
Решает свои проблемы сам
И не надеется на меня.

Похвала в проклятии

Другу своему, человеку Пути,
Я сказал улыбаясь: «Умереть бы тебе... прежде смерти!».
Он кивнул в знак согласия и поблагодарил меня.

Третий возле нас
Человек-невежда изумился тому:
«Как ты можешь благодарить того, кто тебя проклинаяет?!»

Мой друг суфий вновь улыбнулся:
«Эти слова означают проклятье только для вас.
Но для знающих...
Они лучшая похвала».

От верности к измене и наоборот

*Эти два вопроса относятся лишь к тварному миру, то есть
ко всем одушевленным существам и неодушевленным
предметам, кроме Бога. На эти вопросы, с которыми мы
сталкиваемся во все времена и ситуации, ответа пока нет.*

Автор

Будучи верным тебе
Насколько я изменяю себе?!

В таком случае
Изменяя тебе,
Насколько я верен себе?!

Если найдешь
Ответ на эти вопросы
Дай знать и мне.

P.S. Вышеизложенные вопросы не имеют никакого отношения к пречистому Творцу, так как всё сущее сотворено Богом и рано или поздно всё вернется к Его престолу.

Автор

Между Да и Нет

Жизнь –
Чудный дар, дарованный нам Творцом,
Потому что нельзя ни с женщинами,
Ни без них.

В Китае и у нас

В Китае тысячи людей
Каждое утро
Стекаются по собственной воле на огромные площади
И занимаются ушу.
А наш гражданин
В битком набитом вагоне метро
Вертит три раза
Еще не совсем проснувшейся головой
Справа налево
И пару раз слева направо
И тем самым

Считает дело сделанным.
Когда его спрашивают об этом занятии
Он отвечает:
«Тем самым я показываю, что мир
Вертится и так и сяк».

Разве
Это
Не наш национальный вид спорта?
К тому же это
Очередная форма
Жалобы на рок...

Программа «Don Juan Draw»

Эта компьютерная программа
Подготовлена для создания образа вашей идеальной
женщины.
Сперва отсканируйте фотографии
Ваших любимых женских образов.
Если нет под рукой фотографий
Можете их оживить с помощью памяти
И загрузить в компьютер.

Сперва решите, что в них
Вам некогда нравилось.
Затем возьмите от одной глаза,
От другой губы и щеки,
От третьей волосы и шею,
От четвертой грудь и рост,
От пятой талию и бедра,
От шестой и т.д.

От седьмой и т.п.
Посадите всё это самым приемлемым образом
На женский макет.

Если получится что-нибудь стоящее,
Считайте, вам повезло,
Ибо даже Господь
Считает лишним
Даровать всё это сразу одной женщине.
Именно потому дитя Адама
Преследует то одну, то другую
Женскую тень.
Если в итоге этих коллажей
Получится нечто несусветное –
Программа не виновата,
Ибо выбор и монтаж идеальных органов
Принадлежал вам.
Именно вам пришла в голову идея
Соединить все это
И с этой целью
Воспользоваться именно нашей программой.
Вы могли бы вообще не покупать эту программу,
Которая в девяноста девяти случаях из ста
Оказывается «виновной».

P.S. Считаем долгом заранее
Вас поблагодарить
Если вы порекомендуете
Нашу программу
Нескольким своим знакомым.

Поклонение туфлям

1.

Девушка-студентка на перроне
Метростанции «Elmlər Akademiyası»
Наклонилась и нежно
Кончиками тонких пальцев
Вытерла туфли с каблуками,
Которых нещадно топтали в давке.
Я наблюдал за ней через окно
Вагона, где находился.
Затем девушка
Той же рукой
Вытерла пот, выступивший на лбу
И гордо откинула волосы назад.
В ту минуту мне пришло на ум, что
На вопрос парня, признавшегося ей любви,
Вопрос: «Чем доказать тебе свою любовь?»,
Эта девушка скажет: «Три раза в день,
К тому же у всех на глазах вставай на колени
И вытирай мои туфли».
На секунду я представляю
Всё положение этого влюбленного идиота,
Проводящего всю семейную жизнь на коленях,
пресмыкаясь.

2.

Молодой парень
Сидящий в вагоне и не отводящий
Глаз от своих туфель
Достал платок из заднего кармана брюк,
Вытер и без того сияющие туфли, а затем

Убрал платок обратно.
Наверно, он потом по ошибке
Вытрет этим платком
И лицо.

3.

Выйдя из метро,
Я направился на прием
Самодовольного чиновника.
Секретарша приняла меня за близкого
И сказала:
«Проходите, шеф в кабинете».
Я вошел внутрь.
Начальника не было,
Вероятно, он находился в комнате отдыха.
«Ничего, подожду здесь», - подумал я.
Я решил занять себя просмотром газет.
Чуть спустя
Я услышал пение вполголоса
И шорох из соседней комнаты.
Взглянув в том направлении
Я увидел, что этот чиновник
Водрузил, как корону, новехонькие сияющие туфли
Себе на голову
И развлекается перед зеркалом во весь рост...
И я снова опешил.

4.

Седовласый мужчина, пытающийся протиснуться
В переполненный вагон на станции «Нариманов»
Нехотя
Наступил на набуковые мокасины одного студента.

«Прости, сынок, я нечаянно», – сказал мужчина
Парню, который годился ему в сыновья.
Студент гневно прикрикнул на него:
«Дядя, в этом мире получают лишь за чаяния.
А за нечаянное ничего не полагается!».
Несмотря на давку в метро,
Парень несколько раз наклонился и осмотрел
отдавленные мокасины.
Когда людей в вагоне стало чуть поменьше
Ему удалось вытереть мокасины рукой.
Затем он расстроено повел головой.

В тот вечер
В криминальной хронике по телевидению
Показали фото того парня и сообщили, что
Во дворе
Возле метро «İnşaatçılar»
Он пырнул ровно три раза ножом пожилого мужчину.
Хотя мужчину увезла «Скорая помощь»,
Раненный скончался по пути в больницу от потери
крови.
Парень в качестве мотива преступления дал показание
И сказал, что они поспорили с тем аксакалом,
Но я в ту же минуту понял:
Это ложь.
Ибо когда на экране появилось удостоверение
покойного
Я его узнал.
Истинной причиной были те проклятые мокасины!
Студент, выступивший против
Девиза, озвученного в вагоне,
Что-то всё-таки дал
«ничего не чаявшему» мужчине...
То есть – смерть!

5.

Что за мания?!

С каких это пор туфли, соприкасающиеся

С землей, пылью и грязью, превратились в корону?!

Почему они

Стали важнее головы, лица, достоинства

И почему стали настолько выше человека

В наших глазах?!

Интимность одиночества

То, что живущий одиноко мужчина

Сам моет посуду после еды –

Тоже можно счесть интимной подробностью,

Связанной с ним.

В подобном случае...

То, как он моет, не столь важно.

Период адаптации ко лжи

Чтобы уверить других во лжи

Сначала

Надо поверить в нее самому,

Породниться с этой ложью,

Обняться, побрататься.

Видимо, как и всё,

Ложь

Требует от человека

Периода адаптации.

Человек-памятник

Я
От макушки
До кончиков ногтей
Принадлежу
Лишь
Тебе.

При жизни
Я
Первый
И последний
Памятник тоски,
Возведенный
Лишь для тебя
Одной.

Глаза. Нос. Зеркало.

Всё видят вместе,
Но друг друга
Не видят глаза, из-за перегородки
Под названием «нос».

Хорошо, что есть зеркало...
Ибо это
Волшебное стекло с серебряным покрытием,
В котором глаз может увидеть
Не только напарника, но и себя.

На ширину плеч

Музыкантша
Каждый раз
Перед игрой
Закрывающая страстно в объятья
Виолончель, как возлюбленного,
Извлекающая из него нежные вздохи,
Будоражающие вопли,
Каждый раз невольно
Выполняет в точности команду,
Осевшую в памяти
Со времен школьных занятий физкультурой:

«Ноги
На ширину плеч!»

Перо. Весло. Мобильный телефон

Птичье перо, отлетевшее от птицы,
Летит вовсе не хуже ее самой,
Просто
От того, что оно не имеет цели и желудка,
Летит куда попало.
И зачастую вниз, извиваясь.
То есть все еще содержит в себе
Нечто от птицы.

Если взять весло лодки
И бросить в серые,
Илистые и бурные воды Куры,

Оно поплывет,
Пусть и чуть хуже самой лодки,
Но всё же куда-нибудь да доплывет.
Значит, это весло
Всё еще
Станет повторять
Уроки, полученные от лодки.

Мобильный телефон
В нашем хаотичном мире
В некотором смысле может считаться
«крылом» и «веслом» современного человека,
Но не имея владельца рядом
Он не способен отвечать на звонки,
И вдобавок, не имея зарядки,
Не сумеет «открыть глаза»
И взглянуть на мир вокруг.

И после этого
Им
Не забить и гвоздя
В стену.

Это есть доказательство того,
Что в новых технологиях
Законы наследственности и условных рефлексов
Сведены к нулю.

перевел Ниджат Мамедов

Рафаил Таги-заде

Посвящение Карабаху

– Ах, Карабах!..
Земля,
что влечет меня, где бы я ни был,
припасть на ее материнскую грудь.
Воздух,
что в грудь проникает мою
легко и свободно, без всяких препон.
Ледяные, кипящие, сладкие
воды
сквозь камни пробившись,
рассёкши скалы,
сочатся, текут, стремятся потоком.
Ночи тоску и тьму побеждая,
звездные, сказочные
простерлись
твои небеса.
Летящие мимо, плывущие мимо,
бьют в барабаны, грохочут над нами,
чтоб нас пробудить от печали и горя,
большими и малыми
плачут дождями
здешние тучи.

Реки,
кристальные как родники,
звонко бурлят, до небес вскипают,
горы незыблемые колеблют.
Твой голос детей убаюкает нежно,
а нужно – мужчин рыдать он заставит,
зовущий на бой,
за собою влекущий
голос.
Влекущий к истокам и памяти предков,
и к древности славной,
ты – вечные узы меж мною и небом,
и Вечным Владыкой,
– О, мой Карабах!..

Приграничная деревня

На въезде – шлагбаум,
на выезде – рвы.
Это деревня у края войны.
Но нет ни покоя,
ни тишины
в этой тиши и в этой глуши.
И бык не мычит, и не блеет баран,
от страха
засох, не налившись, гранат,
орехи не падают ночью с кустов –
здесь на шорох любой
открывают огонь.
Свадебный слышен в палатке напев...
Дворы нежилые пусты, а в домах

плесень и мох вместо цветов
окна теперь заплетают. С дерев
сбило обстрелами гнезда, в глазах
встречных – тревога.
Свечи, сгорая, трепещут во тьме,
память из прошлого вызовет мне
белые домики в белом селе...

Встань, соберись,
слезы спрячь от врага,
разом стряхни эти копоть и пыль!..
Встречай у входа в живой «музей»
тех, кто приехал здесь все осмотреть –
и провожай их.
От нас же самих,
от оставленных сёл
нас беспощадно отсёк
упавший шлагбаум:
«Стой! Въезд запрещен!»
Сколько еще дней или лет
лишь после досмотра, по пропускам
будем входить мы в родное село?..
Пусти меня, черный шлагбаум, пусти!..
Колючей проволоки кусты
руками распутаю,
переброшу
рельсы через окопы и рвы.
Вагоны уснувшие в поезд сцепив,
его поведу в родные края
(с теми, кто в этих вагонах живет)...

Так дай мне покончить с этой бедой –
Пусти меня, черный шлагбаум, пусти!..

Ребенок-беженец

Горькие, черные письма
в свитке судьбы твоей,
Беженцев сын.

Твой двор - пустыни пылящий край,
(примета – крохотный рядом медпункт),
крайняя слева палатка - твой дом,
постель твоя – угол палатки той.
Беженца сын...

В бумагах твоих – печатей не счесть,
имя твое – в списках ООН,
на лепту «Красных Крестов» растешь ты,
фото твое – в альбомах
важных посольств, среди тысяч других,
обездоленных веком,
Беженцев сын.

Твой учитель – такой же бедняк
бездомный, школа – одна из палаток,
а перед фамилией вечно и всюду
стоит примечание:
«Беженцев сын».

Взгляд твой несмел,
но в быстрых взглядах,
и в руках, и во всей небольшой фигуре
таится отчаянное желанье
когда-нибудь с гордостью продиктовать
спросившим свой адрес и номер дома...
Без вины виноватый, лишний
в этом мире он –
Беженцев сын.

Ни точного места рожденья, ни дня,
ни месяца, ни родового гнезда,
ни памяти прадедов и прабабок –
в палатке родился, в палатке растет
Беженцев сын.

Твой облик так непохож на прочих
сверстников – речь, и лицо, и одежда.
Взгляд твой старше на десятилетия тебя самого,
на плечах твоих виснет
груз непосильный...
Тайного, страшного рока дитя,
с сердцем в сквозных
кровоточащих ранах –
Беженцев сын.

Баллада о девяти ореховых деревьях

*Моя мать – вынужденная переселенка
лишь пару раз отвлеклась, оживилась
в жизни своей городской - так было,
когда я принес ей с базара орехов
к праздничному столу...*

...На старом орехе
вороны горланят.
Под листьями, что намело в эти годы
столько орехов в земле истлевают.
Девять деревьев было у нас на дворе,
девять могучих красавцев,
братьев статных
с ветвистою кроной.

(А сколько их было в садах соседских...)
Но вот уже столько лет
в запустенье
и сад наш, и жизнь наша.
Как же так вышло,
что нынче вороны в кронах резвятся,
созревшим орехом в нас же кидают
и ранят нам темя...

Среди бесхозных сирот-деревьев
есть те, кто засох, почернел от горя,
кто был искромсан, искрошен в щепку
вражьими хищными топорами,
а кто-то разграблен, растащен кусками...
Может, сегодня прячется где-то
в чьих-то шкафах
моя детская память –
вот откроют дверку комода,
и рассыплются в комнатах чьих-то, в доме чужом
наши воспоминанья.
А может, путями неисповедимыми
попав к соседям моим,
они прячутся
в ящичках, в полках –
как бы там ни было, стон протяжный
мебельной дверцы
душу царапает мне и пугает.
Вот рама оконная ждет дуновенья
ветра, что с родины милой веет,
и слезы стоят в глазах стеклянных...
(...А может быть, ставши паркетным настилом,
скрючены в досках воспоминанья мои...)

Зачем же злым духом над вами встает -
Вагон, что вовек никуда не дойдет?..
Люлька качается, ты в ней сопишь,
Под вагоном растущий малыш...
И не добраться в родные места –
Лишь в сказочных снах ты летаешь туда.

Гадалке

Что толку от правды, открытой тобою,
что мне с напророченной делать судьбою?..
Что было, что будет в мелькании дней,
что, хмурясь, читаешь в ладони моей?..

Лучше раскинь на грядущее мира...
Что ж ты мою не пускаешь руку?..
Не сокрушайся по мне, гадалка,
разве печаль моя – это печаль?..
беда – беда?..
А как же тогда
назвать нам с тобою
все горе мира, скорби всей земли?..

Смотри, вот те, кто лишился отчизны,
бродят повсюду, с тоской вдыхают
запах родной земли,
в горсти зажатой –
на их судьбу мне погадай, гадалка,
в ладонях мира прочитай судьбу...

Перевела Алина Талыбова

Заир Азамат

Диалог культур

- Ты осёл!
- Дорогая, это не новость.
Лучше, скажи, что нового?
- Вчера я тебе изменила.
Это случилось так легко!..
- Я всегда этого от тебя ожидал,
Ведь ты меняешься в зависимости от ситуации...
Твой последний любовник
Тоже не будет последним.
- Что, смеешься надо мной?
- ...
- Не смотри так на меня, понял?
Я злюсь!
- Да, знаю.
Это мне нравится.
- Ты плохой человек, очень плохой!
- Знаю.
- Это ты меня испортил.
Я не была такой раньше.
- ...
- Где ты вчера находился?
- Скучал.
- По кому?

- ...
- Я тоже скучала, по тебе...
Я глупая, да?
- Да.
- Я... тебя... люблю...
- Знаю.
- Мне... нравится
Тебе врать.
- ...
- ...
- Ладно... ладно...
Не плачь...

Ангелы в домашних халатах

Ветры растаскивают листьев утренний запах
Окна вздрагивают на солнечный свет
Ангелы в домашних халатах

Немного спустя мужчины точно улыбка
Выпадут из женских губ
На кровеносные сосуды города
Вослед раздадутся голоса малышей...
А ты
Со слепым светом ада на лице
Всё еще висишь
На воздухе комнаты

Репортаж

Если на наших лицах
Всё еще застывшее выражение
Если в нашей жизни ничего не меняется
О чем же мне говорить?

В твоей жизни тоже ничего примечательного
Как видишь –
Наши пути пересекаются
На туманной плоскости
Глупых надежд

Если и твои дети
Строят домики в песочнице
Окна лачуг, что ты снимаешь,
Открываются на пустырь
Если изменяет жена
Или всё еще терпит словно герой
О чем же мне говорить?

Жизнь каждого
Знакомый пейзаж –
В каждом переулке лишь мы одни

Венская резолюция

Мы
Группа бездомных
Объявляем с этого дня
Откройте уши
И слушайте

Пусть знают все:
Весь город наш
Все парки, скамейки
Старые и новые здания
Все постройки и стены
Киоски и остановки
Сады и базары...
Нет
Мы не с каменным сердцем
Не жадные вовсе
Не бойтесь
Не плачьте
Есть у нас сострадание
Милость
Любовь
Сколько хотите...
Гостеприимство из нас так и прёт
Будем холить вас и лелеять
Будете кататься как сыр в масле...
Мы ведь не станем спроста
Чернить имя своих отцов и героев
Кёроглу и Наби
Бабека
Не оставим вас без крыши
Не прогоним на улицу
Живите вдоволь и вдоль
Веселитесь и радуйтесь
Берите в жены лучших девушек города
Поселитесь в богатейших домах
Но не забывайте чьи это здания
Живите дышите пашите
Только смотрите
Не затопляйте подвалы!

Вечерами отдыхайте в наших парках
Сбросьте усталость после работы
Выходите погулять
Со своими карапузами
Показывайте им листья, которые
Треплет ветер и улыбайтесь
Мечтайте
В грезах летайте
Откидывайтесь на свежескрашенные скамейки
Только смотрите
Не беспокойте нас по ночам!

Да, и еще: вовремя
Доставляйте наш завтрак и квартплату –
В железные ящики
В углу зданий
Только смотрите
Не говорите потом, что «нам не сказали»!..

Снежный человек

...я снег!
Падает снег и меня становится больше!

Ты тоже прислонись носиком к стеклу
И смотри вниз –
Следы на снегу читаются как стихи...

Снег касается всего и всех
Исчезает расстояние...
Снег не знает преград –
Я тоже снег!

Падает снег и меня становится больше!
...впускаю домой котят мерзнущих во дворе
Нет тебя среди них –
Скучаю!

Снежный завал

Лицо твое белоснежно
В глазах печаль...
На губах улыбка –
Мокрая как снег...
Вся твоя плоть – это крик:
Я как снег,
Я мягка как снег, мягка!

Ты затопила город как внезапный
Снежный завал
Снег покрыл дороги
Снег покрыл улицу и ночь

Ты осела на мои руки
Попала в глаза
Я весь в снегу –
А ты не таешь...
Всё падаешь с неба –
Безутешная...

Мрак сдается твоей белизне!

...руки мои ледяные, а сердце горячо
Что за чувство? –
Мною овладел снежный завал...

Укусы скорби

О девушка, укушенная скорбью в трех местах!
Говоришь, что
Нет ничего эротичнее в мире
Эйфелевой башни
А я молчу и глажу тебя по голове

Говоришь, что
Самые красивые мужчины в Голливуде
А я прикасаюсь к твоей талии, очень грубо

Говоришь, что
Ненавидишь запах сигарет
А я душу тебя в запахе
Своих прокуренных губ

Кашляешь, потом умолкаешь...
Затем плачешь...
Говоришь:
«Я люблю тебя, люблю, люблю»
И прижимаешься к моим худым плечам

Ну и ну...
Кажется, скорбь и меня укусила...

Бархатная женщина

Один мой друг
Выпив, говорит о трех вещах –
Либо о Физули,
Либо об Ашуге Алескере,
Либо о женщинах

Второй мой друг
Выпив, говорит о трех вещах –
Либо о бархатной революции,
Либо о футболе,
Либо о женщинах

Я тоже, выпив, говорю о трех вещах
Либо о литературе
Либо о наркотиках
Либо о женщинах

Выходит, что
Женщина лучший повод для разговора

Миг

Ты узнала, что я тебя люблю...
Я виновен, как вор,
Которого поймали с поличным

Я тебя осчастливил

Шел по дороге
Нашел деньги
Истратил их
И нашел тебя
Осчастливил тебя
На одну ночь...

Нет больше тех, кто потерял бы деньги
И тебя больше нет...

Протест протест

Захотел тебя полюбить
Запротестовали твои глаза

Хотел тебя поцеловать
Запротестовали губы твои

А руки мои
Руки...
Но руки твои возразили

Захотелось тебя забыть
Сердце мое запротестовало

Теперь скучая без тебя
Люблю других

Перевел Ниджат Мамедов

Ханэмир

у розы нет тени

Гусейну Джавиду

алиф. лам. мим.
падишах пришел недавно

тень человека на стене
тень пера на бумаге
тень пера в слове и сердце
тень языка во рту

хоть у розы есть шипы
тени у нее нет
цвет аромат красота и безумье
поделили меж собой
тень розы

тени гор и скал боятся
от бестенности розы умирают
если б у розы имелась тень
не было б ни слова ни пера

тень розы сокрыта
имя ее тайна тайн
тень розы падает на перо на слово
и оно становится властелином тайн
это горе от бога

упряжь зикра

алиф.лам.мим.

до правления еще далеко

1. деревья втянутся в зикр да так что не шелохнется ни одно гнездо

ни одно птичье гнездо не шевельнется

2. деревья втянутся в зикр да так что и птиц втянут в свой зикр

3. деревья втянутся в зикр да так что птицы лишь после поймут что были на ветках и гнездах

4. деревья втянутся в зикр да так что птицам почудится будто они в небе парят

5. деревья втянутся в зикр да так что птицы скажут наверно о боже вот исходит последняя песнь из нашей груди

6. деревья втянутся в зикр да так что птицы поспешат в свои гнезда на ветки
и даже снесут свои яйца лишь после зикра деревьев

7. деревья втянутся в зикр да так что ветер смолкнет на их ветках утишит листву
после зикра встрепенется дерево скажет «что это за горе о боже»

после того как поймет качнется дрогнет рассмеется то что ты все это время называл деревом

деревья втянутся в зикр да так что в летний зной старик
ахмед не найдет тени чтобы присесть
с самого утра он искал повод поворчать попенять на
Бога вот и нашел что хотел

древний город-султан

eu dili qafil fil faili məchul fani f...
шах не станет на месте стоять

установлен взор на айя-софию – стамбул
бьет по башке азан – стамбул
стамбул взбираясь – ватикан
смотрит с семи холмов – стамбул

мусульманин бородат – двери вены
босфор полон кораблей – айя-софия
выглядывает из-за топгапы – стамбул
здесь печаль сокрыта – стамбул-ватикан

густо пахнет – ватикан-вена
рыбаки жарят рыбу – султан мой стамбул
обрадовать еврейских детишек – стамбул
турки надувают цветные шары – султан мой стамбул

перевел Ниджат Мамедов

Гамид Херисчи

О похожий на меня человек...

Этот мир был страшной березой,
Сливавшей в себе черное с белым,
Давно сие было известно,
Небесные звезды точно сухофрукты
Следовало обмакнуть в воду,
Давно сие было известно...

О похожий на меня человек, где ты?
Где-то поблизости,
За занавеской,
Скучаешь,
Поигрываешь спичечным коробком
В руках...

Имя которой любви
Мне написать
Пальцем на этих зеркалах,
Запотевших от пара дешевого супа?
Не знаю – умереть
Или остаться.
Может, пойти найти
Похожего на меня человека,
Натереть до блеска

Бляху ремня, как солдат,
Выйти к нему навстречу?

Во мне не осталось веры
В древние поверья,
А может, заблуждения
В цвета в словах «Белый дом», «Красная площадь».
Время сократило
Выдаваемую нам зарплату,
Знаю, похожий на меня человек
Приходил и искал меня здесь...
Но не нашел...

На здешних столах
Написаны телефонные номера...
Каждый пришедший добавил новые номера,
На столах не осталось пустого места!

Всё это
Сотрясает мою сущность...

О похожий на меня человек, теперь, сегодня
Настало нам время встретиться!!!

Стихотворение Шамса Тебризи

Что касается плача...

Что касается плача...
Сперва всегда плачет человек,
Затем дожди и ручьи...
Что касается плача,

Сперва всегда плачет человек,
Затем все остальное...

После, лишь после
Все дожди
Измерят размеры небес
Линейкой молнии...
Как же безвкусен наш хлеб...
Ему могут придать вкус
Только тайные письма внутри,
Переправляемые в тюрьму...
В этих письмах изысканным почерком
Напишут мои изречения...

Небо тоже суть земля,
Только там нет песка,
Всё, что видим в этом мире,
Одновременно и есть и нет...
Все любви заканчиваются,
Однако в конце любовью
Нет точки,
Пусть плачут малые дети,
В их глазах есть вода,
Но слёз еще нет...

Если смерть произнесет наши слова,
Из них выпадет
Одна гласная и согласная,
Вот и человек так умрет,
Если воздушный змей,
Пущенный в небо детьми,
Не вырвется из рук, то не станет
Истинным змеем...
Джалаледдин, вытворяющий всё это ветер

Сдвинет с места
И гири весов печали.

Всё, что было,
Было тебе мило,
А дверь была стеной,
До тех пор, пока
В мир не снизошел свет Шамса...

Джалаледдин, я люблю не любимую,
А саму любовь,
Вы уходите, а я иду по Пути,
Вижу всю слепоту мира
В домах, нацепивших окна точно очки...
Я,
Я,
Я...

Во время оккупации Зангилана тысячи обездоленных бежали к Аразу. Один из моих знакомых передал мне последнее стихотворение сельского поэта, покончившего с собой у берега реки.

Послушайте и вы то самое стихотворение...

Я
Не считаю
Водосточные трубы
Достойным путем для дождя,
Я вижу как принижается дождь
В тех самых путях,
Не могу найти

Смазку для
Своих колес надежды.

Не могу переплыть Араз.
Может, мне горемычному
Надо покончить с собой?
Может, во всей этой суматохе
Мне надо изобрести
Новые буквы и звуки,
Которым следует войти в азбуки?..
Позовите врача,
Врача!

А затем пусть
Придет судья,
Я готов сменить имя,
Если воды Араза
Не примутся подлизываться
К подошвам его ботинок!
Даа, надо в последний раз
Здесь... на родную землю...

Запятые – поворот фраз,
Да, и фразы и люди
Должны куда-то сворачивать, идти...
Рано ли поздно всё вольется в Араз,
Волгу, Хазар...
Куда ты прешь, теперь
Моя очередь!
Оплата за проезд тех, кто
Отправляется в ад,
В кармане у дьявола!

Араз, наконец-то,
Я услышал твой бурный рёв,
Разобрал твою речь!
Не ты, а кто-то другой
Должен молиться за тебя Богу,
Кто-то другой должен поднять
Твою отвалившуюся пуговицу
И пришить на место...
Твою одежду кроме тебя
Должны одевать и другие...

Кто-то должен тебя любить...
В этот тяжелый день он должен тебе сказать:
«Давай заметим райские врата
Среди облаков,
Давай пойдем туда вместе,
Ибо нам вряд ли
Переплыть эту реку»...

Перевел Ниджат Мамедов

Даяндур Севгин

Старый соловей

Опять, приветствуя восход,
Ты в чаще запоёшь лесной.
В тисках тоски, в плену забот
Как поседели мы с тобой!..

А в сердце – новые стихи...
Пусть старость нам грозит зимой,
Но снова первой ждем любви
Седой бюль-бюль,
товарищ мой.

Чтоб тебя позабыть...

Все тропинки, дороги в стране забытья
Исходить должен я, чтоб тебя позабыть.
Дни с тобой от безрадостных дней *без* тебя
Отделить должен я, чтоб тебя позабыть.

Океаны разлук, миги радостных встреч...
Тем, кто горя не знал, счастья ввек не сберечь.
Память всю – за страницей страница – стереть
Должен начисто я, чтоб тебя позабыть.

Кровь сочится из ран моей бедной души...
Ай, жестокая, маски менять не спеши!..
Я, от жизни устав, должен новую жизнь
Обрести, чтоб навеки тебя позабыть.

С раем ад, с ядом мёд ты сумела смешать.
В этом крохотном мире куда мне бежать?..
И иного пути мне вовек не сыскать –
Умереть должен я, чтоб тебя позабыть.

Без названия

Ни кают и ни трапа – где выход, где вход?..
Как попасть нам вот этого судна на борт?
Этот странный корабль – планета Земля,
Ну а мы, пассажиры, стремимся вперед.

Каждый занят своим, в суете и в делах.
День и ночь тот корабль океан бороздит.
Рулевой наш – не жадный, он все повидал,
Не берет за проезд и не требует мзды.

И ему все равно, кто твой сват, а кто брат,
Не ругает, не хвалит он нас ни за что.
Все попасть на корабль добровольно спешат,
Но сходить добровольно не хочет никто.

Снова в ребра стучатся, грохочут сердца,
Пот стираем со лба, отдышавшись едва.
Ну а стрелки часов, что острее серпа,
Наши с корнем срезают и дни, и года...

А Земля, как корабль, во Вселенной кружит,
Но откуда-то нас окликает судьба:
Этот странный корабль – ваша странная жизнь,
Где входящий смеется,
и плачет сходя.

Ненаписанное стихотворение

Я с рожденья в печалях и горестях рос –
Слезы те до сих пор на ресницах моих...
Я тебя сыновьям своим в жертву принес,
Ты прости меня,
мой ненаписанный стих.

Зло и тьму одолеть – не хватило нам сил,
Иль добру в нашу дверь постучаться нельзя?..
Ты меня изнутри, как болезнь, источил,
А снаружи меня уязвляют «друзья»...
Ты прости меня,
мой ненаписанный стих.

Краснорожего хама с тугим кошельком
Лишь могила исправит – а я не могу.
Шут у трона блажит, со стыдом незнаком,
Что поделаешь – вам быть шутом не могу...
Ты прости меня,
мой ненаписанный стих.

Улыбнется удача – воспрянет душа,
Но, как рыбка из рук, счастье вновь ускользнет.

АКШИН

Уставший как корабль

Отключи ночь поспим
я устал как корабль.
отключи звук воды капающей на кухне.
отключи запоздалый автобус на улице

отключи голодную кошку в момент ее броска
на дикого голубя спящего на крыше

отключи обувь на пороге,
книги на полке, книжных героев
и геройства
отключи пальто на вешалке похожее на безголовую
женщину
отключи свои ноги и грудь,
отключи себя, поспим
я устал как корабль.

Философия на двоих, живущих в гражданском браке

Сейчас я преступление, совершенное на улице
Г.Гаджиева,
Отчасти сбежавший и спрятавшийся убийца, отчасти
покойник в мертвецкой,
Отчасти праведник, треплющийся в доме, где траур,
Отчасти взяточник-следователь, отчасти испуганный
свидетель,
Отчасти нож, найденный на месте происшествия,
Отчасти кровь, стекшая на улицу, отчасти улица со
стекшей на нее кровью,
Отчасти фотограф, с любовницы сняли, сюда привели:
Снимаю фотографии, что будут подшиты к уголовному
делу,
Отчасти трусливый сосед, якобы равнодушно
проходящий через место происшествия,
И отчасти корреспондент, наглый и бедный.
Я и себя убью с той же жаждой, с которой хочу убить
другого,
Я не родной себе человек
Бутылка из-под вина на столе, дамская сумочка на
табуретке,
Пустая коробочка от презервативов,
Фотография трупа неизвестного мужчины в телевизоре
и т.д.
Всё это пустое, главное –
Жить, не переводя духа, на манер детей.
По-моему, человек состоит чуть-чуть из птицы,
Чуть-чуть из цветка, чуть-чуть из собаки и чуть-чуть,
допустим, из клопа:
Человек, когда любит, – птица, когда спит – цветок и
т.д.

На вопрос «кем является человек, когда убивает?»
Ответит убийца, сознавшийся в содеянном
преступлении
«Человек больше всего в детстве убивает других
Детство – лицензия, выданная нам на убийство тех
Кто слабее нас.
Истреблять мух и птиц, растаптывать букашек –
Разве это не детские преступления?
Убивать другого – детская страсть»
Я и себя убью с детской страстью
Я не родной себе человек.

Месть моей бабушки

Однажды
Моя бабушка кипятком из чайника
Переморила муравьев проложивших дорожку по стене
Отплатила муравьям за свою старость
Мою бабушку состарили муравьи расплзшиеся по
нашему дому.

Встреча в кафе-подвале Ширзада

О мой друг-поэт, приветствую тебя
Сядь, выпьем немного водки
Почитаем Коран
Забьем косяк.
В эту ночь я видел дурные сны
Видел старика с омерзительным ртом
жующего хлеб передними зубами

Оттого что выпали коренные
Знаешь ли, поэт, зубы выпадают не от нечестного куска
А от нищеты, нищеты
Потного крестьянина я видел во сне
копающего отхожее место
На другом конце своего двора и жизни...
Сядь, поэт, сядь, родненький
Пиночет, расстрелявший
десятки тысяч людей
Жуя при этом мясные пирожки
Сегодня всего лишь под домашним арестом.
Поэт, одиночество, именуемое нами счастьем
Для других – разновидность наказания
Садись, садись, к черту Пиночета
то, что называется жизнью, – это вареные яйца
непропеченный хлеб
и эта тутовая водка
Садись, поэт,
скатерть истины я расстелю для тебя
расскажу
о том как мой друг-газетчик
не переваривает свою мать
Он считает себя в долгу не перед родной
матерью, а перед шлюхой, с которой спит
музоподобной женщиной
пообещавшей, что никогда не выйдет замуж
и не родит детей
Садись, поэт, не обращай на меня внимания
когда я плачу, то не хнычу
как женщина под хиджабом
когда я плачу, то реву как осел
брожу по квартире, бью о стенку часы
сняв их с руки
звоню и ругаю любимую женщину

пинаю книги
сжигаю фотографии
чувствую, что все вещи в квартире боятся меня
это чувство доставляет мне наслаждение...
Поэт, мне жаль друга-газетчика

...

Если я плачу, с улицы слышится шум дождя
Когда мы в детстве убивали лягушек
женщины говаривали нам, что
убивать лягушек – к дождю
Если я плачу, мне кажется: дети
убили лягушку
Дети лягушки... лягушки... смерти...
...лягушки...
Не обращай на меня внимания, поэт,
сядь, выпьем немного водки,
почитаем Коран,
забьем косяк...

В поисках носка

Почему ты меня позабыла?
Если бы я был богом
Заповеди получше послал бы
через пророков своих
Велел хотя бы:
Скажи женщинам, что грех забывать человека!

Почему ты меня позабыла?
Ведь человек, будучи забытым, меняется
Например
Забытая женщина становится шлюхой
Забытый мужчина убийцей, мерзавцем, скитальцем.

Старость и болезнь

Скворец усевшийся на спину пасущейся овцы
оперся на луч солнца,
дремлющие горы,
старый и больной пес,
которого дети забросали камнями,
ветхая обувь на женских ногах
причиняют мне боль

Старинная народная песня

Сломанная лапа волка
больное место степи
воем своим волк утешает степь.

с топотом конских копыт
на степь надвигается тьма
возглас хо не даст ослабнуть конским ногам.
хо изнанка ох,
на конях не вздыхают!

со склонов гор мы вскочили на спины коней
на конском языке поговорили с ними.
Грива коня наше знамя...

Самая лучшая женщина

В этом сером городе где мы живем
Каждый день находят труп неизвестной женщины
Каждую ночь неизвестные мужчины убивают
неизвестных женщин.
неизвестно за какие грехи...

женское тело не хранит следов мужских рук
чистым выходит из ночи белое тело
женское тело не предаст любимого мужчину!

Фотографируясь человек продлевает себе жизнь
В каждый миг фотографирования жизнь на мгновение
застывает.
На мгновение всё медлит с концом
Вот секрет долголетия...
белая пустота на обороте
это жизненный путь пройденный фотографией.
В этом сером городе где мы живем
и женщины как фотография.
Фотография, белая на обороте,
пройденный жизненный путь не показывают никому.

Бедность – вид заразной болезни, в этом городе
один за другим заражаются люди
но среди них есть прекрасные люди,
например, за мужчину на войне потерявшего ноги
вышла замуж
та молчаливая женщина носящая
мужа своего на руках.

В блокнот Амалии

нет ничего тоскливее
звука тяжело закрывающихся ворот
нет ничего тоскливее
тревожного гудка медленно тонущего корабля
и облика единственного горожанина на берегу
видящего всё это и не способного ничем помочь

нет ничего тоскливее рыбьего трепыхания
до тех пор пока на крючок насаживают наживу
ни в одном море рыбы против ни одного рыбака не
поднимут
восстание
нет ничего тоскливее этой горькой истины

нет ничего тоскливее
беззвучного смеха
зубных протезов стариков положенных в стакан с
водой
и муки которую этот смех на протяжении ночи
причиняет домашним
долго будет длиться молчание
отца почесывающего жесткой щетиной на лице
поверхность руки
чтобы вырастить детей нужно еще и немного тишины в
доме
нет ничего тоскливее этой долгой тишины.

как назвать суматоху в городе после
землетрясения?
не знаю.

Лично я боюсь не умереть, а остаться
под развалинами стен
в наших домах женщины утешают детей,
а дети – мужчин

перевел Ниджат Мамедов

Кёнуль Гасаноглу

21:00

Густое поле –
Трава и пшеница...
Посреди этого поля
Дом из кирпича –
Внутри дома пара деревьев.
Ветки, пронзившие света лучи
И просочившиеся
Из окна наружу,
В поле...

Густое поле...
Август... Зеленая трава...

21:50.

На небе
Извечные странники –
Красные, синие и
Черные-пречерные облака.

Густое поле –
Ячменные зерна,
Что вспороли колосья...
В этой шире без пугала

Птицы свили
Гнезда себе,
Дремлют в покое.

Густое поле –
Немного я,
Немного ты...
Горсть неба,
Горсть земли
И
Зёрна,
Что заполнили поле...

Шепот колосьев

Когда дует ветер
Песнь летит по полю –
Колосья склоняют голову
На плечи друг другу
И о чем-то перешептываются...

Ветер дует сильнее –
Всё ниже склоняются колосья
Вот так по всему полю
Разносится весть...
Раздается песнь...

Пейзаж на рассвете

Уже по первым лучам очевидно –
Рождение Солнца исполнено мощи!
Его оранжевые руки
Безжалостно хлещут
По груди впавших в спячку гор –
Обжигают
Пробуждают
Прогоняют
Насекомых, заночевавших
На покато́й груди горы

Величие солнца и
Малость букашки
Вовсе не преуменьшает ревность...

“Лежа в лихорадке”

Москва любимая
И детство проведенное в ней – девчушка с красным
ранцем

Вся в лихорадке
Лежу в кровати навзничь накануне очередного дня
рождения
Зажмурив глаза шагаю к метро «Войковская»
Ядовито-желтая лампочка, повесившаяся с потолка
Бессовестно заполняет мои зрачки
Обжаривает улицу вместе с зильцами, улицу, что я
воскресила в грезах
Как оранжевую муку

Затем

Изо всех сил задувает мучные крошки мне под веки
Всё затоплено желтым-прежелтым лучом...
Величественная улица сгорает в миг и пепел возносится
высоко в небеса

22:16

Температура тридцать восемь...
Я сражаюсь
С этой маленькой электрической лампой
Ярко освещающей эту тесную комнатушку
Начиная с 18:30

00:23

Любимая Москва...
Теперь мои глаза так же бессильны как и ноги
На пути к тебе –
Лихорадка как пулевое ранение
Отбросила меня на эту железную кровать
Вдобавок глядящая с потолка лампочка в 120 вольт ...

С сорокаградусной температурой
Я бреду к тебе в бреду:
Прислонившись лбом к стеклу в вагоне метро смотрю в
туннель
В эти минуты ожидаю во все глаза, детские глаза
Когда вагон выйдет в лес
Всё еще там ли улыбчивый Олимпийский Мишка,
Машущий мне рукой из леса?..

Искрящиеся белизной снежные комья
Над красными зданиями
Твои светловолосые мягкосердые ребятишки

Надевающие снеговикам теплую шапку
Белки на твоих деревьях
Невинные зайцы резвящиеся в твоих придорожных
лесах...
Я также помню сосульки свисающие как серьги
С тополей
И елей
Помню еще твою девчущку мигом скинувшую
любимый ранец
Поместившую обмороженного воробья в свою
перчатку
Согревающую его в своих белых ладонях

Забуть всё это на Кавказе непросто, Москва!..
Я вспоминаю с любовью свой красный ранец
И вязаные перчатки
Лишь из-за того крохотного воробья...

Любимая мама...
Падают ли там с деревьев в снега
Обмороженные воробьи
Вроде меня
Свалившейся с температурой?

В эту минуту я скидываю направо
Это легкое одеяло словно тяжкий груз
Ноги мои ступают по направлению
К твоим холодным
Покрытым девственно белым снегом
Красным улицам...

19 августа и черное солнце

(посвящается светлой памяти Ф.Г.Лорки)

Воробьи в то утро привязались лапками к веткам!
Обратившись к восходящему солнцу
Обретали помалу надежду...
Трепыхались нахохлившись
Чирикали голосом полным печали
Будто бы знали о трагедии что
Случится пятнадцать секунд спустя
Дрожали
С нежной утренней песней в груди

А по ту сторону солнца стояла тишь
Солнце
Заходило на невидимой нам стороне

В тех странах смеркалось
Оружие там не узнавало руки
Там воробьи иноземные
Дремали в затишье

И Ника спала по ту сторону солнца
На золотистом поле полном пшена
Раскинув волосы на колосья
В обнимку с Аресом
В тиши

А по сю сторону солнца всё было иначе
Здесь
Даже вороны покинули землю
Безмолвие наполнилось ожиданием выстрела!

Первую пулю пустили в небо для пробы
Оружие было старым оружием
Оружие всё еще могло сослужить службу
Оружие
Было тесно знакомо с поэтами –
Их лбами
Грудью
Коленями
И руками...
Из рук вырывали их жизнь!
Лишь к их спинам
Пуля путь не нашла

С залпом ружей
Раскрыли они
Крапчатые крылья свои в тесноту

А затем
Попадав с веток повисли в воздухе
Окрасили красным
Опаленную августом землю –
Написали лозунги кровью текущей на свою тень

На осколки разбились те песни в груди
Что они не озвучили
В то утро левых
Расстреляли вместе с поэтами

В цыганских объятьях

Ф.Г.Лорке

Смотрит Луна на Андалузскую степь...

Снова тихо плачет гитара
Среди ароматных лимонных деревьев
Плачет в объятьях
Смуглого кудрявого цыгана

Эта печальная гитара
Каждой струной отдает душу
Вечеру августа

И улетает вместе с Си-бемолем
На **«Черную луну»**
Выглядывающую из-за белых облаков...

Плааачет, плаачет, плачет гитара...
Всё тот же припев:

«Федерико
Гарсиа
Лорка»

Улица небольшого формата

На улице следы рук –
Ее нежно погладили
Сверху вниз

Слезы на крышах
Там лето

Мужчина держит в ладони
Две буханки хлеба
На левом запястье часы
В руке
Очки с затемненными стеклами

А на хлебе
Следы поцелуев – мамины губы

Это –
Твоя фотография
Отец!

Письмо сыну

Я окрасила волосы хной, сынок...
Но не бойся
Не стану в себе никого растить
Рожу тебя
За семнадцать лет до войны
Обещаю!

Обещаю, что
Твоя служба
Не пройдет с ромашками да букашками

Ты не будешь шагать на месте
Как игрушечные солдатики
Каждый день
На асфальте столицы

Нееет...

При первой встрече с оружием
Ты
Нарушишь порядок морщин
На вражеском лбу!

Хной окрасила руки, сынок...
На Землю взгляни из-за туч
Милый родной
Долго ль еще до войны?..

Большое сердце поэта

Я люблю оружие
Революцию
Бунт
Героя
Лишь в стихах

Раскрой ладони –
Побежденный и свободный!..
Обними ветер
К солнцу обрати лицо
К небу
И дальше

Лаской одари колосья по пути и приди...

Оружие убивает
Революции мимолетны
Бунт тяжел
А героизм всего лишь слово

Приди и возьми с собой
Слабое здоровье
Печальные глаза
И свое большое сердце поэта
Не забудь также
Сигареты с зажигалкой...

Жду...

В ладонях моих золотая пшеница
Я одета в твою любовь...

...я в поле!

Тени голубей и пуль

Апрель...
На небе ни облачка
Тепло

Город
Раскинувшись на спине смотрит на солнце
Белые голуби на его груди
Отбрасывают черные тени

Здесь –
В солнечном городе я
Кормлю на крыше зерном
Диких голубей

Здесь кнопку дверного звонка нажимают
Изысканно одетые почтальоны
С письмами и литературными журналами в руке

А там смерть!..
Смерть
Распахивает двери!
Заходит внутрь и развлекается
Громко хохочет и выходит...

На улице смерть сбивает с ног
Старого почтальона
(остаток жизни его стекает на тротуар)
Письма прижатые к груди окрашиваются кровью

Там город рыдает
Ничком упав на страну

Смерть близка!!!!!!
Смерть близка!!!

Там пули
Отбрасывают тень на спину города...

Смерть!..
Смерть распахивает двери...

Залпом осушает бокал с вином
Затем разбивает бокал!..

Там на крышах домов
Шагают чужие солдаты
С окровавленными ботинками и оружием в руках...

Смерть...
Смерть близка!!!

И апрель...
В городах пахнущих порохом
Всё тонет в тумане...

Апрель

1
Снова апрель...
Первый в мире гимнаст
Развалившись под солнцем
Лижет свой хвост

А я задержав шаг
Считаю полосы
На его спине

2

Снова апрель...
Детские голоса рассыпаны по улице
Как бусины ожерелья по полу
Ожерелья чья лопнула жилка

А заброшенный мяч вдоль улицы всей
Любится
С камнями мостовой

3

Снова апрель...
Безмолвие комнаты кличет
Любимого
Который вдали

Насупив брови
Упрекаю
Безмолвие!

4

Снова апрель...
Будь проклят ум переводчика!
Вспоминаю каждое слово
Каждой беседы с ним

В эту минуту получаю смс
Телепатия?!
– «Весенние скидки от “MANGO”...»

Улыбаться в объектив

Смотрю на свои фотографии
Печальная женщина
Улыбаясь дрожит в моих руках
Отношу ее улыбку
К личности фотографа
Сейчас я смотрю на себя
Глазами того фотографа;
Полюбила бы я
Будь тем фотографом
Бледные губы этой женщины
Тонушие в печали, выдаваемой за улыбку?!

Ах, женщина...
Разве можно так улыбаться?
Хочется изрезать эти губы
Искромсать!

Наваждение

Каждую ночь мне снится бронетехника
Солдаты говорящие на чужих наречьях
Стреляют в мою кровать
На потолке над моей головой пролетают истребители
Откуда-то с верхнего этажа
Вертолеты посыпают мой труп химикатами

Из стен треснувших от моего вопля
Лезут гигантские тракторы с четырех сторон
Вспахивают мое тело... смешивают меня с землей

Сраженье подходит к концу
Меня окропляют водой
Боль унимается

Из той почвы которой я стала восходит пшеница
И вороны...
Вороны летят над пшеницей...
На ниву втыкают серые флаги
Звучат гимны и народные песни
На иных языках...

Косят пшеницу...

Издали чую запах свежего хлеба
И просыпаюсь...

Рождение

Ночь расстелила
Свой черный покров на пустыню
И умерло солнце –
Закатилось
В лоно земли

Земля завтра снова
Солнце родит –
Как влюбленный который
сразу проснувшись
вспоминает любимую

Ночь...
Молчите!
Земля в этот час
Любится с Небом...

На рассвете
Младенец
Руки протянет
К горизонту

И в ладонях своих
Солнце поднимет
(от лона земли оторвав)
На грудь Неба!

перевел Ниджат Мамедов

Гисмет

Слепая любовь

Девушка на выданье
Живущая на пятом этаже
Каждое утро открывает глаза
От света падающего с девятого этажа
Здания что напротив.
Поднявшись, умывшись
Вскипятив чайник, накрыв на стол,
Торопливо выпив чай, позавтракав,
Задирает занавески
Будто для того, чтобы проветрить комнату,
Распахивает окна навстречу девятому этажу.
Ветер дует не в комнате, а скорее в ее голове
Свет западает в душу ее
Свет от сигареты тлеющей
На балконе девятого этажа...

Девятый этаж притягивает девушку как магнит.
Тянутся к нему ее
Сердце, волосы, руки, глаза...
Она готова воспарить.
Вдруг девушку окликают
Родители, окликает брат.
Вот тогда пригвождаются,

Пригвождаются к тому балкону
Сердце, волосы, руки и колени девушки...

Молодой парень, курящий сигарету на девятом этаже,
Смотрит на девушку с пятого этажа, смотрит и думает,
Окликает жену и спрашивает:
«Ты не знаешь, эта девушка с пятого этажа, она не
слепая?»
«Не знаю», – отвечает жена, – «А в чем дело?»
«Каждое утро она так вперяется на наш балкон, будто
ничего не видит...»

Женщине у подножия эскалатора

Эта женщина похожа на письма,
Написанные в те годы,
Когда мужчины подверглись репрессиям,
А женщины депрессиям.
Холодна, раздражительна и печальна...

Календарь ее глаз не ведает «завтра»,
А «вчера» похожи на «сегодня»...

Ей больше по нраву те, кто спускается
Потому что все поднимающиеся
Уходят всё вдаль.

В ее голосе горечь, как измена друга.
Будто
Проклинает дома
На языке землетрясения.
Не знаю,

Ждет ли она
В своей стеклянной кабине
Поезда, что увезет ее вдаль, или смерть?..

Видя глупых девчушек
Рядом с парнями в очках, чьи руки
Вечно заняты книгами
Наверное думает,
Что рельсы метро никогда не пересекутся...

Эта женщина похожа на письма,
Написанные в те годы,
Когда мужчины подверглись репрессиям,
А женщины депрессиям.
Холодна, раздражительна и печальна...

Календарь ее глаз не ведает «завтра»,
А «вчера» похожи на «сегодня»...

Злополучная слабость

Сердце пашет как мельница.
Каждый Божий день перемалываю тысячу мук...
Есть у меня злополучная слабость:
Раздуваю каждую мелочь,
Муху превращаю в слона.

Почему та девушка издевательски улыбнулась
Услышав мои стихи,
Волосы были всклокочены,
Я слишком похожу на поэта?

Почему тот парень сказал:
«Если пишешь стихи, помрешь с голоду...»

Почему дипломы – документ о завершении,
А не начале?
Почему чтобы начать
Требуется документ о завершении?
Кажется, и философия начиналась с вопроса. Разве,
нет?

Мифология

Протянуть в квартиру свет
Прямым от солнца,
Воду – с Атлантического океана.
Пусть вечно горит свет
И идет вода.
Порою хочется верить...

Попросить в подарок на память
От Парижа Эйфелеву,
От Рима Пизанскую башню.
Украсть из Нью-Йорка
Статую Свободы.
Положить в ящики для пожертвования динамит,
Снести места поклонения, сравнять с землей
Не вникая в детали.
Распахнуть ворот Баку,
Чтобы город свободно дышал.
Порою хочется верить...

Выдохнуть «Эх...»,
«Эх...» величиною с мир

Хотя никто ни за что не в ответе,
Ни ты за него,
Ни он за тебя,
Ни ветер за Баку,
Ни Баку за ветер,
Бегать по улицам в дождь
Без шапки и зонтика.
Целоваться страстно
В общественных местах
Не думая ни о ком.
Порою хочется верить...

Не соглашаться с теми,
Кому не понравились,
Кто не принял
Эти стихи.
Молчать и думать:
«Да ну, ничего...»
Порою хочется верить...
Порою хочется верить...

Бомж, Физули и мертвые мыши

Жизнь
В его глазах
Пуста, как выеденный кусок яблока,
Найденного в мусорке...
Он каждый день сыт настолько, сколько найдет,
Пьян настолько, сколько выклянчит.
Его борода
Длиннее мини-юбок красавиц,
Но короче отчаяния...

Он
Купается в дождь,
Греется в солнце.
В волосах копошатся вши,
Напоминая давку в метро.

Ему безразлично
Кто пришел или ушел,
Я ли, ты ли, он,
Обама ли, Клинтон,
Проиграл ли Азербайджан Франции,
Или сделал ничью с Албанией,
Безразлично совсем.
Он знает этот город, эту страну
От мусорки к мусорке.
Надежда
Для него –
Расстояние от одного бака
До другого...
Видя гриль в микроволновках
Думает, что даже курицы
Воротят от него нос.

...в глазах бомжа,
Застывшего перед цветочным магазином
Физули пишет стихи.
Бомж о чем-то думает...
Запускает руку в карман.
И достает наружу
Мышей, отдавших Богу душу...

Ничего, ничего...

Скорбь каждую ночь
Вонзается в мою вену
Иглой, острой как экскалибур.
Остаюсь лицом к лицу с потолком,
А часы отстают ото всех.
Рука свисает с кровати...
Каждую ночь
Сдаю кровь разлуке
В госпитале под названьем «Одиночество»...

Цвет лица становится блеклым
А разлука на соседней койке
Наливается кровью.
Румянец моих щек
Переходит на ее щеки.
Вот так
Каждую ночь
Я становлюсь Прометеем,
А разлука – орлом.
На 365 дней в году я становлюсь героем Эхила
В госпитале под названьем «Одиночество»...

Каждую ночь
Меряю температуру термометра
Подмышкой.
Краснеет плоть в стеклянных баночках на спине,
Пью воздух за ложечкой ложечку...
По мере того, как мозг размышляет о смерти,
Сердце охватывает страх.
Разноцветные таблетки надежды –
Всего лишь помада для бесцветной жизни...
А потом... а потом... а потом

Ничего, ничего.
Будьте здоровы.
3, 2, 1...

Меланхолия ночи

Тень свечи на столе
Тает на стене.

Вокруг света свечи мрак,
Там, куда не доходит свет.

Люди за столом хмуры, молчаливы...

Мужчина нервно поигрывает зажигалкой в руках,
Огонь зажигалки бессилен пред мраком.
Мужчина бросает зажигалку на стол
Прикуривает тоску, зажатую в губах,
На тени, тающей на стене.
Мужчина затягивается тоской,
Выдыхает облако во мрак,
Закипает кровь,
Берет зажигалку вновь...

Женщина сжигает в свече свой взгляд...

Двое молчат
На самой высокой ноте мелодии тьмы.

Затем мужчина докуривает свою тоску
А женщина сжигает в пламени свечи свой взгляд...

Тает на стене
Тень свечи на столе.
Тянется ночь вдоль тающей тени свечи
Мужчина снова поигрывает зажигалкой
Женщина бросает в свечу свой взгляд
И вот так
Ночь обретает припев.

Забыть, бросить, прикончить

Забыть.
Сначала тебя,
Потом «Kent-8»,
Водку,
Любовь,
Писанину.
А потом...
А потом само забвение...

Бросить всё –
Тебя,
Сигареты,
Попойки,
Писанину,
Любовь.
А потом...
А потом само бросание...

Прикончить всё:
Последнюю сигарету,
Бутылку водки,
Любовь к тебе,

Писание стихов,
Забвение и бросание.
А потом...
А потом саму смерть...

Прощение

По мере того, как арестован в себя,
По мере того, как сам отвечаешь на свои вопросы,
Растут твои ограды, высятся стены,
Люди остаются по ту сторону,
А ты за своими очками...

Я человек куривший и пивший без устали,
Человек, потопивший солнца в морях.
Никто не обманывает человека, лучше себя самого...

Куда бы я ни шел,
Где бы ни прятался,
Без устали следует за мной
Вечер нового дня.
Но знаю
Настанет день – и очки проиграют глазам,
Поэты проиграют словам,
Звуки уши простят,
Дороги – тяжесть ступней.
А Бог всех детей...

Безысходность

Люди говорили,
Говорили и сыпались изо рта,
Разбивались на осколки.
Из-под их слов поднимал голову диктатор,
Живущий внутри,
Раскол, царствующий в душе.
Сердца их бились лестью,
Слова выдавали их рост
Лучше, точнее, чем паспорт.

Я промолчал.

Закуривал одну от другой,
Глотал дым, горел без огня
По мере того, как говорили люди.

По мере того, как говорили люди
Я раскрошился, разошелся на куски,
Как хлеб, добытый сиротой.
Рос слово за словом,
Старел за фразой фраза.
Постеснялся веки сомкнуть,
Уши заткнуть.
Улыбался деланой улыбкой.
Врал на языке молчания.

Люди смотрели на мое улыбчивое молчание
И говорили.
Я не смог уйти.
Ведь кроме них у меня никого не имелось...

Анализ

Люди,
Утром натошак
Сдайте на анализ сердце в спичечном коробке.
Вы увидите, что
Отцом ваших грехов является дьявол.
Увидите, что
Вы беременны грехом...

Деревья,
Утром натошак
Сдайте на анализ листья в спичечном коробке.
Вы увидите, что
Отцом ваших листьев является облако.
Увидите, что
Вы беременны высью...

Моря,
Утром натошак
Сдайте на анализ синь в спичечном коробке.
Вы увидите, что
Отцом сини является небо.
Увидите, что
Вы беременны чайками.

Поэты,
Утром натошак
Сдайте на анализ СЛОВО в спичечном коробке.
Вы увидите, что
БОГ есть.
Увидите, что
Всё точно и верно,
Поймёте снова,
Что мир – это СЛОВО...

Страх

Случится, случится, всё равно случится.
Все умрут.
Все всё узнают...
Именно потому
Меня больше
Не интересуют ни чай на поминках,
Ни халва, ни довга,
Ни споры, ни пересуды
О покойном.
Меня больше не пугают
Ни кладбище, ни сырая земля.
Меня пугает остаться в этом мире
Хотя бы на день
Без стихов, без друзей, без любви...
Боже, спасибо за этих
Долговязых, низкорослых,
Очкастых, глазастых,
Смелых и робких,
Толстых и худых друзей!
Пусть ушедшие покоятся с миром,
Пусть живые пребывают во здравии!

Стихи лентяя

Улыбаться прокуренными губами
Глупым шуткам,
Оплакивать застекленными глазами
Людское одиночество...
Надо чуть-чуть измениться

В том же самом кафе
Обрести, как и вчера, надежду на что-то...
Смеяться вчерашним лицом,
Есть вчерашними зубами,
Убивать время вчерашними фразами
А в конце сказать то же самое:
Надо за что-нибудь взяться...

Блок

Заблокировать всё...
Усталость, отчаяние, тоску
В глазах
Женщины вкопанной
К подножию эскалатора.
Заблокировать сахар, обнаруженный в крови
Соседей тех, кто годами пьет чай без сахара.

Заблокировать всё...
Пустующее место
На двуспальной кровати
Незамужней и отчаявшейся женщины.
Заблокировать тоску мужчин
Бегущих от коммунальных расходов...

Заблокировать
Девичество той,
Которая скоро обманется и станет женщиной,
Одиночество поэта
Беременного стихами,
Одиночество величиною с сам стих...

Затем заблокировать
Все блоки
И швырнуть в море.

Начало

Солнце свое я спрятал в ночах,
Сбросил с сердца немало любовей,
Потерял стольких людей,
Но надежды не терял,
Жил, жил до встречи с тобой.

Часто сбегал из города этого
Вместе с бумажными корабликами в ванне,
Вместе со стихами, содержащими слово «уйти»...
Обувь свою бросил в пасть дорогам-драконам
Но ты подняла голову и поправила прядь,
Улыбнулась...
Кончился я
И начались Мы.
В твоём голосе умные книжки,
В молчании – томов непрочитанных тяжесть,
Глаза твои с морями рифмуются...

О моя мореглазая, я родился в тебе
«Рыбы» мой знак зодиака.

перевел Ниджат Мамедов

Фарид Гусейн

Поэты

Каждый вечер мы добирались домой с двумя сумками
В одной – книги, в другой – хлеб
Сперва у нас забирали сумку с хлебом.
Мы любили и птиц, как своих детей,
воробьи пили воду из наших ладоней.

От атомных бомб мы прикуривали сигареты,
поливали ливень водой,
причесывались ураганами,
опирались ногами на землю,
чтобы остановить землетрясение.

Мы писали стихи,
распевали песни,
спешили в кино.
А вы – в комнату, постель, виллы.
Мы с вами не встречались,
мы с вами всего лишь столкнулись...

До боли знакома, до боли прожита

Я писал стихи после рецептов, –
в то время, как лекарства были бессильны.

Стихи о любви писал после разлуки, –
когда она выжегла клеймо в сердце моем.

Не желал после детства счастья большого, –
ибо известно что последует после детства.

А теперь хожу возле скорби кругами;
до боли знакома, до боли прожита.

Посвящается постели

После каждого раза простыня все глубже
покрывается морщинами.

После каждого раза стареют любви, становятся
лишними.

Проститутки получают от нас стипендию
за свою состарившуюся любовь.

Есть ли хоть что-нибудь абсурднее, чем
слова той, которая полностью отдавшись тебе в
постели,
минуту спустя говорит одеваясь: «Не смотри, я
стесняюсь»?

До постели мы творим из любви памятник,
а в постели его свергаем,
вместо любви к «власти» приходит страсть.

Постель – могила иллюзии «вечной любви»,
потому кровавая месть свершается там.

Стамбул

Стамбульские ночи,
вечерняя тьма расстилается на семь холмов,
моря расходятся на 14 рукавов,
ночи дремлют обнявшись с холмами.

А я
попирая ногами пути-дороги
пришел выжать лимон на твою рыбу.

Пусть раки всегда будет безгрешно белой,
а хлеб черным, как земля.
Я пришел соединить кровати,
что отстоят друг от друга
в забытых безлюдных отелях.

Сейчас выслушиваю проституток,
расхваливающих своих братьев,
мне жаль их за то, что они врут.
Жду на остановке сероглазую девушку,
которую мне предсказали по кофейной гуще.

Ступай, мир, ступай.
Дай пожить, сомкнув веки.
Не хочу смотреть тебе вослед.

История демонстрирует нам
меч героя с посохом пророка,
ключи от Каабы с ожерельями стерв –
всё это вместе.

Я постеснялся
спросить на твоей земле, о Стамбул,
у мечей о пролитой крови.
История проходит, шепча глаголы
в прошедшем времени.

Видя на твоих улицах детей,
нюхающих клей,
шансы, что преподносят
крутящиеся рулетки,
я понял кого и куда увезли поезда.

Спросил: «Счастлив ли ты, о Стамбул?»
Ответил: «Такого не спрашивают
у того, кто внимает голосу Сезен».

Кларнетист – уличный музыкант,
продолжает игру, глядя не на пальцы свои,
а на монетки, что бросают в шапку ему,
играет, вдыхая в кларнет
боль, что в легких своих накопил.
Я считаю твои горести,
а ты забываешь пальцы свои, Стамбул,
забываешь душу свою...

Жить с нелюбимой женщиной

Жить с нелюбимой женщиной под одной крышей
не значит обманывать ее или себя.
Жить с нелюбимой женщиной под одной крышей
означает руться в любви, как в мусорном ящике –

не ешь, но что-то выискиваешь.
Если живешь с нелюбимой женщиной под одной
крышей,
значит, твою удачу украли, как коня конокрады.
Если живешь с нелюбимой женщиной под одной
крышей,

открываешь по вечерам свою дверь, как крышку гроба.
А если вдобавок к напастям есть еще дети,
значит, украли все радости, что в тебе жили.
Мужчина не приходит в тот дом, где живет с
нелюбимой женщиной,
он каждый вечер приходит на дым пепелища, с
которым он свыкся.
Даже лимонад на столе, накрытом нелюбимой
женщиной, похож на вино.
Мужчина пьянеет от своего горя.
Если выпало жить с нелюбимой женщиной под одной
крышей,
Даже дети в комнатах,
Деревья в саду
И цветы в горшках
Растут нехотя.
Время течет вспять.
Если живешь с нелюбимой женщиной под одной
крышей,
становишься похож на фальшивый чеченский доллар
на рынках России,
размениваешься на мелочь, переходя из рук в руки.
Если живешь с нелюбимой женщиной под одной
крышей,
Я вижу для тебя лишь один выход –
Родиться заново.

Прошлогодние слова

Я здесь утомился. Бежал, отдалялся, не вышло.
Столкнувшись с судьбой, промолчал, чтобы та
Высказала то, что накопилось в душе,
Но она лишь меня слушать хотела.

Хочу замолчать и удалиться,
Как рыба камнем легшая на дно,
Но вода тогда напоминает мне, что суть ее – слезы.
Бежать не могу.

Жизнь на каждом шагу дает мне понять:
Слова «я в порядке» есть «ложь».
В тоске по раю мир становится всё более чуждым –
Будто проснулся в чужой постели
И всё вокруг кажется незнакомым.
А мир с каждым оборотом становится лживей.

Всё за стеклом, колпаком будто на экране...
Многое в мире.
Однако наши уши намозолило не журчанье воды,
Но выстрелы,
Достаточно крупницы чуткости, чтобы узреть:
Слово «мир», доносящееся с трибун,
Не голубь, а ястреб.

В невежестве граф говорил: «счастлив еще
нерожденный».
А после он жил помаленьку: когда уверовал.
Мы живем в ту пору, когда мир – преклонный старик,
Он хорошо знает наше нутро, знает на что мы
способны,

А мы, как в пору первой любви,
Незнакомы с его повадками,
Потому и интересно жить...

Последышем в нашей семье был не я,
Им была боль, которую терпел мой отец.
Все сносили его избалованность.
Оставив игру неоконченной,
Бросив друзей, кричащих «вернись»,
Я спешил преградить сияние смерти, слепящей отца.
Но этот свет был гораздо выше восьмилетнего
мальчика.
Моими слезами, текущими тайком от матери,
Вам будут окроплять лица и руки в раю.
Не хочу знаться с новыми людьми, другими людьми.
Новые люди – это «грядущая боль», я боюсь.
Я не ношу те часы, что она подарила,
Не хочу, чтобы его стрелки
Отмеряли нашу разлуку.
Всё,
Всё,
Всё
Рушится людскими руками.

Делай что хочешь, только
Не ищи лекарства от смерти,
Хотя бы умирать следует по старинке.
Мой пульс отсчитывает слезы, текущие вспять, то есть
в сердце
И ты слушаешь его биение.
Я согласен всю жизнь ходить в одном и том же,
Есть одно и то же, как солдат,
Лишь бы улыбка не покидала твоих губ.

Любовь – это просить у золотой рыбки
Каждый раз одного и того же человека.
А судьбе невдомек ни рыба, ни вода.
Эх, какие слова вы позабыли. . .
Например, «возьми меня за руку».
Мир не полюбил ни отца, ни мать,
Как детей, зачатых без благословения –
Так мы и остались одни-одинёшеньки.

Помню, однажды ночью женщина позвонила
любимому;
Чтобы сказать «прощай» своим голосом.
Много спустя той женщине позвонил ее любимый
И сказал: «помнишь ли ты. . .?»
А женщина достала с полки фотографии, где они
вместе
И вырезала себя из этих фото:
Оставила его там одного.

Однажды и я сжег твою фотографию – не сгорела
улыбка,
Сгорели твои глаза – но взгляд не сгорел.
Сгорел твой рот – но слова не сгорели,
Не сгорело всё то, что я так любил.

После того дня мое тело – окровавленная рубашка.
Мои руки «прощальные деревья» – качаются вслед.
Подойди, взгляни на меня, прошу,
Я тебя всё равно прошу.

Мы никого не гнали из дома,
Это люди не смогли к нам вернуться.
Люди уходят безмолвно,

Так же, как птицы летят, не промолвив «лечу».
Если станем оплакивать прежнее горе, землю затопит
водой.

Помнишь, однажды глаза покинули твое лицо?
Тогда я тебе не сказал всё, что случилось.
Ты опускала ложь, как веревку в колодец отчаянья.
А я обманывался, принимая всё на веру,
Ложь нам обоим счастье дарила.
Мы становились счастливыми,
Чтобы жить дальше и дольше.

перевел Ниджат Мамедов

Акшин Эврен

так говорил Конфуций

Господин гроссмейстер,
Может, эти деревья – умерших руки
Землю пронзив тянутся к жизни
Значит, те, кто бросаются с крыши
По сути, бросаются в борьбу за жизнь
Бросание – химическая реакция между людьми
Сперва человека бросают из тела отца в чрево матери
Затем из материнского чрева на Землю
При капитализме человек не рождается, а продается

Теперь красные дипломы стали талоном на черный хлеб
«Потерянное детство» читается как «потерянное девство»
Мыла теперь продается так много: одни лезут в петлю,
другие – к третьим...
Теперь СССР отдает Богу душу в старых сталинках Баку
К чему иллюзии?
Теперь моя бабушка, повидавшая две мировые войны,
говорит, что
«Война и мир» самое фальшивое произведение человечества
То есть в этом мире есть истины поважнее
К примеру, для абитуриента книжка с тестами важнее Торы
Для солдата пуля роднее, чем мать

Исходя из этого, изгнание Адама из рая прекрасно
иллюстрирует идею «пути»
Значит, путь тоже есть аксиома, начавшаяся с догмы

Здесь для сыновей морщины на отцовских лбах – правила
дорожного движения
Страна в ожидании на светофоре флага
Деревья бьются кроной об асфальт не от обилия плодов,
А потому что устали
Всевышний вертит планеты на четках своих
В этом гигантском кружении
Для сына нет метеорита страшней, чем камни в почках
матери
Всем холодно, всем голодно
Но кроме Земли все живут припеваючи

Из этой серой галактики уйдет всё вплоть до последнего
человека
Сначала частицы, молекулы, атомы
И в ту же секунду появятся Атомы...
...Затем новый Адам примется говорить о «Большом взрыве»
Схватится за четки Бога и примется с ним препираться за
какое-то ребро
...Что всё это значит? Что?
Надгробные камни растут, становятся зданиями,
А после небоскребами
Значит, рост тоже есть путь
Наши дороги-пути изрезаны пешеходными «зебрами»,
Искромсаны
Надев туфли-гробы
Мы пройдем путь до самой могилы

СССР отдает Богу душу в старых сталинках Баку
Самые страшные дорожные происшествия здесь
Случаются в отношениях между детьми и отцами.

Прозвенел звонок: малая перемена

Мы выучили алфавит для того, чтоб писать любовные записки
Я понял это, учась в 3-ем классе.
На листе, вырванном из тетради, я написал два слова:
«твое имя + мое имя».
На уроках рисования мы рисовали пронзенные стрелой сердца вместо флага и герба
В ту пору наше сердце-малютка
Едва-едва гукало в своей костяной колыбели
В ту пору мы еще не знали что цифры важнее всего на купюрах
Тогда мы не знали, что наш друг, не умеющий нарисовать квадрат
Попадет в заключение
Не знали, что девчущку, получившую «5» по «амперметру» убьет током
Тогда мы не знали, что самой страшной гиперболой
Станут морщины на маминых руках
Не знали, что всё – пустое множество,
В этой памятке забываешь даже собственные руки
Сядьте поближе,
Я немного разоткровенничаюсь, сядьте поближе, дорогая учительница.
Вспоминаю уравнение « $H + P = L$ » на уроке алгебры.
Отчего-то « L » так и не нашлась, осталась неизвестной.

Таким образом милая Р, стесненная между двумя знаками,
осталась одна.

Урок литературы тоже всегда состоял из одной строки:
«Любовь, что движет солнце и светила»
И мы улетали на седьмое небо на своем ковре-самолете
Настал день и мы завернули в наш волшебный ковер
Останки своей любви...

На уроке родного языка мы спрягали глагол «забывать»
По лицам и числам.
И я всегда врал от первого лица единственного числа.
Потому что я не забывал...

Биология скрыла от нас, что
У глаз имеются две функции:
«плакать и говорить»
По сути, взгляд – уста сердца

В ту пору История не значила «Тургут Озал» и «Джордж
Буш»
В ту пору башни-близнецы гордо держали голову,
В ту пору их голова доходила до неба

Физика была сущей пыткой
Я усвоил лишь «Всемирный закон тяготения»
Когда обнимал тебя
До того как яблоко упало на голову Ньютону
Ты запала мне в сердце
- и это было от Бога

На уроке географии все дороги вели к тебе,
Все реки к тебе текли

Порой я надевал сандалии и мчался вдоль экватора
Куда бы я не свернул стрелка компаса указывала на тебя.
Мои руки обнимали тебя точно
Параллели, обвившие глобус.
В ту пору я не знал, что у Земли кроме ядра есть еще и
ядерное оружие

Дорогая учительница,
Теперь я пришел сдать «срез» по «уроку жизни»,
Проверьте мою тетрадь, оцените поведение,
Хотите вызовите родителей и пожалуйте им на собрании.

Только, прошу, не спрашивайте меня о «любви».
Потому что «любовь» я забыл дома.

Дорожный транспорт

Однажды твое «детство» заберет игрушки
Сядет на трехколесный велосипед и уйдет из твоей жизни,
Твои дугообразные губы наденут горизонтальную форму;
То есть, настанет эра без смеха...
Прядь черных волос прикроет трудовой пот на лбу
И однажды твоя голова превратится в шахматную доску:
Черные участки, седые участки
Твой силуэт станет напоминать фигуру коня
Уйдет из жизни отец,
Затем мать,
А после здоровье...
Свет очей погаснет раньше чем домашний очаг
Ты забудешь куда подевал таблетки от забывтья
Очки уставятся в небо в молитве,
Зубные протезы в стакане примутся над тобой смеяться

Запятнанное прошлое даст по башке и вышибет светлые
воспоминанья...

Из комнат уйдет отцовская забота,
Материнское тепло
Перестанешь слышать звонкий детский голосок
Позвоночник искривится как вопрос «почему?»
Ресницы станут добывать воду из колодца глаз
И в этой пропасти можно будет пропасть,
Надежды будут вести лишь на дно,
Будешь спать крепко укрывшись,
Очнешься и увидишь,
Что Бог тоже ушел.

День длиною в тень

Прямо этим утром в степях Казахстана
Атомная бомба прикурила сигарету,
Выпятила челюсть с золотыми зубами и выдохнула в небо
дым
Прямо этим утром

Прямо этим утром
Умерла последняя бабка прячущая пенсию в чулке
И вкус денег вмиг стал пресным...
По мере того как болели колени мамыны, где отложилась
соль
По мере того как бабушка унимала всю мою боль
Насиловалось детство мое на всех соленых копях...
Теперь меня с родными связывает лишь одно:
Расстояние.

Все случилось именно этим утром...

Прямо этим утром
Я привязал свое детство к гранатовому дереву, с которого
впервые украл плод,
И бежал
Детство мое рыдало вослед и топало ногой по Земле,
Мама сказала, что это землетрясение
Текли мои удобренные слезы и выросло дерево
Крохотные пятки мои перемололи гигантский шар Земной
...выросло дерево и детство мое повисло на нем
Вот так, гранатовое дерево стало виселицей
Прямо этим утром

Всё случилось именно этим утром...

Прямо этим утром
Когда отец надевал туфли я понял, что
По сути, не я расту, а стареет отец
Прямо этим утром я понял, что
По сути, во время проступка отец не дает нам пощечин,
Он аплодирует на нашем лице ради светлого будущего

Всё случилось именно этим утром...

Прямо этим утром я догадался, что
Прочел Гюлистанский договор
Во время развода родителей
Я искал мамин запах на витринах с парфюмом
Мамин голос я слышал в рекламе пеленок

Всё случилось именно этим утром...

Прямо этим утром я узнал, что
Отец потерял часть руки для того, чтобы сохранить свои
земли в целости
А сестра вышла замуж, чтобы найти лучшего брата
Прямо этим утром я узнал, что
Земля вращаясь вокруг солнца
Хочет сказать нам одно:
«Бегите!
Люди, бегите!»

перевел Ниджат Мамедов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Диалог культур: без прикрас и без препятствий</i> Т.Джафаров (Велиханлы).....	3
<i>Вагиф Самедоглу</i> Стихи.....	9
<i>Рамиз Ровшен</i> Стихи.....	12
<i>Камал Абдулла</i> Стихи.....	16
<i>Вагиф Баятлы Одер</i> Стихи.....	21
<i>Чингиз Алиоглу</i> Стихи.....	27
<i>Рустам Бехруди</i> Стихи.....	31
<i>Вагиф Бехменли</i> Стихи.....	31
<i>Аждао Ол</i> Стихи.....	45
<i>Гулу Агсес</i> Стихи.....	54
<i>Салам Сарван</i> Стихи.....	63
<i>Салим Бабуллаоглу</i> Стихи.....	66
	199

<i>Сона Велиева</i>	
Стихи.....	76
<i>Этимад Башкечид</i>	
Стихи.....	92
<i>Азад Яшар</i>	
Стихи.....	96
<i>Рафаил Таги-заде</i>	
Стихи.....	111
<i>Заир Азамат</i>	
Стихи.....	119
<i>Ханемир</i>	
Стихи.....	128
<i>Гамид Херисчи</i>	
Стихи.....	131
<i>Даяндур Севгин</i>	
Стихи.....	137
<i>Акшин</i>	
Стихи.....	141
<i>Кёнуль Гасаноглу</i>	
Стихи.....	150
<i>Гисмет</i>	
Стихи.....	167
<i>Фарид Гусейн</i>	
Стихи.....	182
<i>Акшин Эверен</i>	
Стихи.....	191

Новейшая азербайджанская литература

В 2-х томах

Том II.

Поэзия

Баку – Мутарджим – 2014

Редактор издательства - **Алиш Мирзаллы**
Технический редактор – **Метанет Гараханлы**
Корректор – **Нигяр Рагимова**

Подписано к печати 15.11.14. Формат: 84x108 1/32.
Гарнитура: Times. Объем: 12,75 п.л. Тираж 1000.

Издательско-полиграфический центр «Мутарджим»

Az1014, Баку, ул. Расула Рзы, 125

тел./факс: (99412) 596 21 44

e-mail: mutarjim@mail.ru

**TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFİYA
MƏRKƏZİ**

Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125
596 21 44; 497 06 25; (055) 715 63 99
e-mail: mutarjim@mail.ru

www.mutercim.az